
Татьяна Филимонова
ПЕТЛЯ МЁБИУСА
18+

Татьяна Филимонова

Петля Мёбиуса

«Автор»
2025

Филимонова Т.

Петля Мёбиуса / Т. Филимонова — «Автор», 2025

Новый, философски вдумчивый взгляд на происхождение нашей Вселенной и Человека в ней. Это и грустная фантастическая история о выживающих на изможденной невзгодами планете людях. Каждый из них — со своим характером, слабостями и достоинствами: они могли бы жить рядом с нами, но вынуждены бороться за свое существование в первобытных условиях и, тем не менее, сохранили хороший вкус к стихам, книгам, у них добрые сердца и изобретательный ум. Их борьба вызывает в памяти классического Робинзона Крузо, а противостоящие им «аристократы»-оппоненты похожи на механистичные куклы, жестко и бездушно запрограммированные в доведенной до абсурда «цивилизации». Слышится Оруэлл… А вишенкой на торте — психологически выверенный рассказ о запутавшейся в самой себе и в сумбурном современной мире простой девчушки. Она мыкается и мается, совершает ошибки и попадает впросак, но она — НАША, плоть от плоти, над ней можно грустно усмехнуться, ей можно посочувствовать, но не осудить и не отвергнуть.

© Филимонова Т., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Вступление 6
Часть 1. 360 °C – 540 °C 7
Глава 1. 2400 год нашей эры 7
Глава 2 15
Глава 3 18
Глава 4 23
Глава 5 27
Глава 6 33
Глава 7 36
Глава 8 38
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Татьяна Филимонова
Петля Мёбиуса

Разобраться в себе – модные сейчас слова. Однако человечество непрерывно занимается этим не один миллион лет. Для меня «понять себя» приравнивается к «понять мир». Я – точно звено сложнейшей системы, но в чем моя ценность и почему все происходит именно так? (А я убежденная супердетерминистка.)

Не считаю важным состав Вселенной, тем не менее на этот счет у меня три предположения:

– мир состоит только из материи;

– только из идеи (сознания);

– из материи и идеи.

В тексте я пыталась разобраться с неумолимым движением времени, пространства и бесконечностью в осознании их наблюдателем. Вселенная не может быть прообразом живого – она шире и она всегда! Будь она идеей или материей.

Я пофантазировала о прошлом, настоящем и будущем в нашем и параллельных мирах, но в единой Вселенной. Неужели из кучи физических вариантов наше сознание случайно выбирает один, подобно квантовому двухщелевому эксперименту и коту Шредингера? Я предположила, что мир цикличен, но это никогда не станет доступно наблюдателю. Единственное, что у него есть – опыт (информация) и оруэлловское двоемыслие в рамках уже не политической системы, а целой Вселенной.

Эта книга – о вечном и временном на разных этапах существования сознания. В ней отрицаются добро и зло как два начала и оправдывается любое действие огромной цепочкой причинно-следственной связи.

Это книга о человеке и движении его мысли.

Вступление

Я – черная дыра. Зеркало Вселенной. Она меня не просила, но я живу, чтобы отражать для нее действительность. Всю жизнь я буду путешествовать по временным петлям Мёбиуса и собирать все самое интересное и впечатляющее. Пока мне непонятно четвертое измерение в моем мире, потому что я помню, как родилась, и не знаю, как умру. Но я прекрасно осознаю время в простых четырехмерных мирах. Когда я их поглощаю, то сразу чувствую их бесконечность.

Я стану путешествовать по времени в пределах галактики Млечный Путь. Надеюсь, когда-нибудь вырасту, поглотив ее со всеми вкусненькими приправами-параллелями. Буду тогда, как мои родители, изучать сложные шестимерные миры.

Нам, черным дырам, немного известно о людях и иммортах. Я знаю, что их родная планета – Земля. Знаю, что имморты живут в магме, а люди – на поверхности. Есть временные петли, в которых их жизни существуют вместе. Самое странное, что эти создания считают время не в событиях! Они ориентируются на непостоянные переменные: люди – на солнце, а имморты – на вращения ядра. Наверное, их жизни слишком коротки относительно их вида и дома. Кстати, узнала очень интересный факт. Некоторые из них существуют между событиями! То есть они могут расти, могут стареть и умирать, даже если не застанут ни одного события. Думаю, это кто-то адаптировал седьмое магическое измерение в похожий мир. Четырёшки же заражаются друг от друга идеями!

Я хочу совершить научный прорыв в области четырехмерных миров. Меня, конечно, отговаривали от проекта, он достаточно сложный из-за своей примитивности. Что там изучать? Ограниченные создания бесконечно порождают друг друга, строят и разрушают. А мы порой их едим. Все интересные четырёшки уже изучены и поглощены. Уверена, мы мало о них знаем. У них точно есть свой взгляд на мироустройство, хотя они и живут без пятого измерения.

В таком простом четырехмерном мире – где дураку понятно, что всё есть всегда и сознание никак не влияет на события, – они верят, будто сами творят свою судьбу. Я хочу доказать, что мы, будучи в десятимерном пространстве, тоже не несем ответственности за свое существование. А ключ к пониманию – во временном четвертом измерении.

Сейчас я не знаю, как проследовать по полному кругу петли Мёбиуса, у нее же столько пересечений! Родители твердят, что, пока учусь по ней двигаться, нужно фиксировать все, что попадается на глаза, даже если увлекусь частной жизнью. Скоро я научусь и легко буду отделять петли друг от друга. А пока стану записывать все в черновик. Через несколько бесконечностей я наткнусь на него и начну с ностальгией вспоминать, как неумело и наивно это было.

Я отправлюсь в точку, где имморты или люди начнут петлю заново. Хотя нет, чтобы не промахнуться, понаблюдаю заранее, адаптируюсь. И, может быть, с первого раза получится настоящая петля. Ну, или буду прыгать по времени и квантовым мирам. На ошибках учатся!

А еще меня предупреждали, что существа сложных миров очень похожи на нас. Многие к ним привязываются, а потом не могут их съесть. А вдруг и я к своим четырёшкам привяжусь? Да, они простые, никчемные, скучные, примитивные. Родители смеются, а я и правда переживаю. Поживем – увидим.

Часть 1. 360 °C – 540 °C

Глава 1. 2400 год нашей эры

Вокруг Воронежа начинался светлый час. Затхлый сырой запах темноты пока еще окутывал каждый кубический метр, хотя живые и ни разу не ощущали его отвратительность, считая привычное за абсолютный ноль. Солнечные блики от зеркального города попадали на скользкие заледеневшие лужи улиц и вселяли надежду лучевым. Лучевыми, или самоубийцами, их называли только жители закрытых городов-зданий, сами же они предпочитали словосочетание «свободный человек», такая подмена понятий.

Уличные люди принимались за солнечную работу. Илья собирал свежих мертвых животных и забрасывал в соленое озеро для консервации. Чаще всего попадалась мелочь: белки, зайцы, лисята и небольшие собаки или щенки. Не первое десятилетие говорили, что в лесу, – если гниющие дубы и сосны с пустыми сухими и кашеобразными ветками можно назвать лесом, – бродит волк-маньяк. Он выискивает жертв и убивает их с особой жестокостью. Выгрызает глаза, когда получается, отрывает лапы и распарывает зубами живот, хотя мясо этот охотник не трогает. К людям волк не выходит, современные жильцы леса его ни разу не встречали, только слышали о нем и его шипящее рычание в темноте и, конечно, не раз лакомились его жертвами. Но не всегда лучевые довольствовались чужой работой волка-убийцы. На Илью частенько падала обязанность безжалостно расправляться с медлительными или доверчивыми зверьками, насекомыми и птицами. В хорошие дни свободному человеку попадались и грибы, и дикие ягоды, чему безмерно радовались все его домашние.

Руслан вынимал замаринованные туши. Нырять в соленое озеро нелегко – любая царапина, каких у лучевых всегда полно, – словно открытая рана, раздираемая прохладными пальцами. Глаза, даже закрытые, высыхают и сжимаются, то проваливаясь, то вылезая из орбит. Да и вода в соленом озере почти такая же холодная, как на суше. Ваня подробно записывал все о погружении туш, а Руслан запоминал и при необходимости сверялся с товарищем перед входом в воду. Он всегда четко знал план своих действий. Такая работа отразилась и на внешности парня. Мелкие морщины и сухая корка покрывали кожу молодого человека, особенно пальцы на руках. Когда Руслан хотел кого-то успокоить или погладить, то ненароком сдирал кусочки кожи или цеплялся за изношенную шубку, надрывая и портя ее. Конечно, он постарался избавиться от этой привычки, но в душевном порыве иногда мог забыться.

Дарина искала по опустевшим и обрушенным домам оружие, книги и разную утварь с низким уровнем радиации. Два дозиметра и электрошокер – оставались непременными спутниками девушки вот уже три года. Она любила действовать в одиночку. Как минимум – чтобы никто не мешал ее странному интересу к литературе и городской роскоши. Как максимум – из соображений безопасности, ведь людей она боялась больше, чем диких животных и даже волка-маньяка. Однако в последнее время доверия к соседям прибавилось, и если кто-то напрашивался в компаньоны, Дарина брала его с собой. Спутники тоже привыкли к ее странностям и спокойно терпели, как она психует, разбивает и крушит все вокруг, если у томика ее любимого Замятина превышена допустимая радиация.

Кирилл умело переставлял солнечные батареи для подзарядки. К старику относились как к молодому мудрецу. Внешность и голос Кирилла не позволяли дать ему больше двадцати пяти лет, а вот его опыт и быстрая утомляемость говорили о другом. Кирилл, возможно, умел все. При необходимости мог заменить любого, потому что быстро читал, умел писать, убивать, ориентироваться в соленом озере, лазить по этажам в поисках полезного сырья и даже вкусно и разнообразно готовить. На сей раз, во время перестановки батарей, в его голове крутились

мысли о жареной бельчатине. В прошлый поход с Дариной он приметил ароматные травы и собирался ее попросить в следующий раз их нарвать, так как с ними бельчатина получится невероятно нежной и даже Мише не придется ее разжевывать.

Лежачих Ваню и Мишу просто вынесли на солнце, чтобы они читали и писали. Обе кушетки прислонили к бетонной стене высокого многоквартирного дома и углубили колеса в небольшие ямки, чтобы они не скатились вниз, пока лед не растает под теплыми лучами. Ваня и Миша всегда лежали друг за другом головой на восток, так солнце не било в глаза, но хорошо освещало книгу в руках. В этот раз оно было везде и ослепляло двоих лучевых, так привыкших к мраку. Высокое солнце и согревало сильнее обычного, восточного, так что свободные люди скинули шубы и без привычной дрожи получали свою дозу витамина D, о котором вычитали пару лет назад.

– Заходит! – крикнул Ваня остальным, посмотрел на левое запястье и зафиксировал что-то в тетради. – Двадцать две минуты сегодня.

Солнце спряталось, и все вокруг окутала тьма со своей вечной спутницей сыростью. Только синеватый фонарь на столбе, питающийся от солнечной батареи, светил на несколько метров и отражался в незамерзающих ручьях и лужицах. Уличные люди давно привыкли жить в потемках, поэтому факелы не ставили уже лет пятьдесят. Сырье для разведения огня добывалось с трудом, а все безопасное забрали городские. Факелы тем не менее требовались. Их берегли для приготовления пищи, для охоты, в медицинских целях, на холодные ночи и на чертов день. Где-то вдали послышалось злое рычание, видимо яркое солнце разбудило лесного убийцу.

После работы все собрались в большой четырехкомнатной квартире на первом этаже полуразрушенного дома. Это было одно из немногих безопасных мест, куда не добралась радиация, где крышу за триста лет не разъели кислотные дожди и не пробил падающий мусор. Люди, прячущиеся или, скорее, случайно застрявшие здесь после катастрофы, позаботились о своем жилище. Они обложили его монолитными блоками, камнями, залили бетоном окна, трещины в стенах и полы, даже в нескольких метрах от квартиры все было в застывшем много лет назад цементе, на котором то и дело появлялась наледь. Скорее всего, те люди выжили и их правнуки обитали городе, получая свет, еду и кислород.

В дальней комнате располагались места для отдыха. Четыре шикарные двуспальные кровати с когда-то воздушными, а теперь хрупкими от застывших слоев грязи балдахинами. Дарина несколько лет назад сбежала из города, и на свободе ее потянуло к роскошным, но не всегда полезным вещам. Те, кто всю жизнь провел на улице, не понимали ее чудачеств, даже осуждали за непрактичность. Однако она единственная знала назначение древних предметов. В спальне было сухо, темно и холодно. Запах из соседней комнаты впитался навсегда в стены и мебель. Бетонный пол леденил мягкие матрасы и не давал проспать лишние десять минут. Выход на балкон тоже был плотно залит, не пропуская радиацию и свет. Двери в квартире убрали, чтобы легче докричаться друг до друга и осветить большую площадь.

Прямоугольный проход вел во вторую комнату. Слева вдоль стены стояли корыта с пресной ледяной водой. Ее собирали во время дождя и тестировали на коже Миши: если изменения не появлялись, то осадки были не ядовитые, а вода пригодна для питья. Впрочем, опасные дожди не шли уже лет сто, тест проводился скорее как дань обычаю. Эта комната считалась кухней. Помимо воды, на противоположной стороне здесь хранились туши засоленных животных, аккуратно разложенные по тазам и прикрытые пропитанными мясными соками листьями. Над тазами стоял свободный стол для работы с продуктами: разделки и маринования. Чистая почва сложена на полках вдоль стены со следующим прямоугольным разрезом. Почву продолжали искать и собирать, сохраняя на чертов день. У четвертой стены стояла пара стульев, обычно пустующих и вечно холодных. По центру набросаны подугленные веточки, а на них – шалашик из более крепких и надежных, недавно собранных сухих веток. Костер не зажигали

давно, однако вся комната пропахла пережаренным мясом, и этот аромат невозможно было выветрить. Лучевые часто возмущались, что запах съеденной пищи, хоть и приятный, был с ними всегда, а вот тепло улетучивалось в течение часа.

В третьей комнате образовался склад из книг и другой макулатуры. Нижние ряды превратились в кашу и даже защищали от сырости. Здесь витал мясной дух костра, смешанный с запахом бумаги. Книги, журналы и тетради лежали на своих местах. Готовые отчеты по дням аккуратно заполняли самый труднодоступный угол вдоль стены, разделяющей склад и кухню. Пустые тетради в третьем ряду высились над исписанными. Недавно Дарина нашла в опустевшем магазине незараженную партию книг. Их еще не успели разложить. В углу напротив вдоль высокой стены под журналами были спрятаны томики Пушкина, Сорокина, Пыряевой, стихи каких-то неизвестных авторов – Бродского, Некрасова, а рядом популярных в городе Державина, Симонова и Асадова. Обычно художественную литературу выбрасывали сразу, однако Дарина иногда приносила какие-то стихи и романы из прошлой жизни, пряча их подальше. Но редкое солнце не давало насладиться этими сокровищами. Все остальное место, не считая узкого прохода, занимали научные фолианты, сгруппированные по темам. Когда зажигались факелы, не занятые другим делом разбирали и читали книги. С особым трепетом тут относились к трудам физиков и медицинским энциклопедиям.

Четвертая комната – наблюдательная. Только здесь имелась дверь, ведущая на улицу и защищающая от радиоактивной атаки. В центре стояли пять кресел и лежала куча сухих веток, их берегли на чертов день. Костер помогал согреться, приготовить еду и, когда-то, посмотреть друг на друга в последний раз. А по углам накиданы канистры с бензином, восковые свечи, смола, тяжелые бревна, готовые факелы и инструменты для изготовления новых. Ими регулярно пользовались на кухне или на улице, в зависимости от погоды. Во время снежного дождя огонь горел плохо, а дым медленно и неохотно вытягивался из дома сквозь открытую входную дверь. Поэтому готовкой занимались то здесь, то там. В наблюдательной комнате один человек обязательно сидел на страже и смотрел из-под прикрытых век: вдруг сквозь слои летающего мусора еще раз выглянет солнце? Через щели между дверью и косяком оно ослепляло даже закрытые глаза. А уличный воздух перебивал домашний запах гари и еды. В этой же комнате все шестеро собрались для обсуждения прожитого дня.

Ване и Мише следовало запоминать сделанное за день, чтобы потом зафиксировать в тетради. Память стала подводить Мишу из-за старости. Он даже мог что-то выдумать, например, будто кислотный дождь отравил четыре лисьих туши. В солнечные дни ему уже не предлагали новые книги, он читал давно выученные всеми наизусть, но каждый раз пересказывал их, удивляясь простым человеческим открытиям. Остальные, боясь старости и смерти, подыгрывали ему, рассуждая о пользе некоторых инженерных и медицинских манипуляций в своей нелегкой жизни.

Солнечный свет использовали до последнего луча, поэтому усаживаться вокруг девственного кострища начали еще во мраке. С закрытыми глазами, наизусть помня каждый предмет в доме, Кирилл завез Ваню и Мишу, оставив кушетки на обычном месте, чтобы никто о них не споткнулся. Руслан и Дарина подошли из глубины квартиры, закончив повседневные дела. А Илья вернулся после солнечной беготни среди смородины, как и все, зная на ощупь окрестности, и сидел в ожидании.

– Кухонный костер нужно бы перенести сюда, меня уже тошнит от этого запаха, – со злостью в голосе начала Дарина, усаживаясь на свое мягкое кресло. – В этой комнате хотя бы дым будет выветриваться, а спальня все равно не согревается.

– Хватит умничать! Все останется так, как есть, – нервным басом возмутился Кирилл. – Миша хоть и не помнит ни хрена, но Маше пообещал при мне, что огня в этой комнате не будет, – продолжил он шепотом.

– О! Делать перестановки я люблю! – вмешался Миша в разговор, пока Кирилл еще не закончил свою фразу. – Лучше слышать, как вы собачитесь.

– Собачитесь! – повторил последнее слово и усмехнулся Илья, но никто не обратил на него внимания.

– Да нет, это я так, со злости ляпнула. Действительно будет непрактично. Близкий к выходу огонь может привлечь волка, – услышав замечание, исправилась Дарина.

– Ах, все это женское. Туда-сюда. Машка тоже сначала говорила, потом думала. Дура! – медленно и мечтательно произнес Миша.

– Туда-сюда! – снова засмеялся Илья.

– Да, я-то знаю, что с бабой делать, а вы вчетвером Дарину не смогли нагнуть. То ли баба не такая, то ли мужик уже не тот. – Миша хохотнул, чувствуя свое превосходство.

– Давайте начинать, пока не забыли, – прекратил их болтовню Ваня.

– Радиактивных белок до хрена, как будто их бабахом зацепило, – начал Илья, щупая дозиметр сквозь карман своей лисьей шубы. В светлое время другие бы подумали, что он проверяет, не потерялось ли устройство, такое важное в эти дни.

– Да ладно, решили повторить? Тишина была всю неделю, я уверен. – Миша немного заволновался, путая пальцы в седой бороде. Не хотел признавать, что мог не услышать что-то или уснуть на карауле. На улице не доживали до пятидесяти, а Мише уже исполнилось сорок шесть или сорок семь.

– Бабахнуть не могли, – прошептала Дарина, чтобы Миша не услышал. – Может, они тестируют ядерный газ, но не думаю, что это направлено против нас. Когда я сбежала, они делили между собой кислород. Друг друга, наверное, затравить хотят. Или с Тамбовом у них раздел почвы, они еще при строительстве городов за нее убивали. Им не важно, сколько Воронежу достанется, лишь бы Тамбов обломался. – Дарина говорила очень осторожно, не двигаясь. Девушка даже открывала глаза, пытаясь во мраке уловить и остановить лишние движения. За три года на улице она все еще не приноровилась к новым реалиям.

– Не верите? – крикнул Миша, как только Дарина закончила свою речь. – Я хоть и старый, но взрыв услышать могу. – Миша не знал, что Дарина тоже сторожила всю неделю.

– Миш, верим. Я думаю, это газ, а может, они попали в радиоактивное логово. Белки вообще собираются стаями? Не помню, чтобы мы про них такое читали, – продолжил Ваня общую беседу. С закрытыми глазами он представил, как белки так же сидят и лежат в миниатюрной квартире и обсуждают прошедшие события.

– Собираются! Когда мне было лет двенадцать, мой отец, царствие небесное, читал про них. Они живут по четыре-пять особей в одном дупле, это дырки в деревьях, которые им пробивают дятлы. Но дятлы давно вымерли. Белки теперь в оставшихся дуплах разгребают наросшие грибы и живут там. Когда все деревья с дуплами сгниют, белки, скорее всего, тоже перемрут или прибегут к нам в квартиры. – Миша обрадовался, что может еще чем-то быть полезным для своей небольшой общины. От радости он почувствовал приятные покалывания в животе. Так же было, когда он познакомился с Машей. Воспоминания начали захватывать его, но Миша быстро остановил себя и пробормотал неслышно: – Царствие небесное.

– Фу, Мишань, опять в штаны наложил. – Только Кирилл обращался так к брату. Несмотря на небольшую разницу в возрасте между ними, Кирилл выглядел здоровым молодым человеком, даже без седины. Может, потому что он никогда не терял детей, да их и вообще у него не было, как он ни старался.

Кирилл вышел на улицу с закрытыми глазами. Все здесь отлично выучили местность, фонарь иногда был нужен только Дарине, которая по привычке всегда ходила, хлопая ресницами. Недалеко от убежища они устроили сад с относительно чистой почвой. Там росли огромные лопухи. Их большими листьями можно было мыться или попытаться вытереть полученную

радиацию, в них заворачивали новорожденных, ими обтирали шкуры для одежды – применений масса. Кирилл сорвал один лист и вернулся в их жилище.

– Давай, Кирилл. Мы уже перевернули, – сообщил Руслан пришедшему.

– Я думал, у меня бабочки в животе, Машку вспомнил, – смеясь, оправдывался Миша.

Кирилл посмеялся вместе с ним и заботливо собрал экскременты брата в лопух, чтобы затем отнести под посаженную ими смородину со сладкими ягодами, с легким привкусом металла.

– А Ваня вона тоже не ходит, но ни хрена штаны не пачкает. Загадка! – Илья почесал затылок.

– А ты в зад себе будешь факелы пихать, еще не так обделаешься, – по-отечески добро заметил Миша.

– А ты, значит, пихаешь? – вмешался в их болтовню Руслан.

– Ха! Волчара! Не без греха. Было дело, – громко рассмеялся Миша.

– Твои бабочки – лучшая подкормка для смородины. Сейчас открывал глаза, куст с твоим удобрением – самый плодовитый. На. – Кирилл уже вернулся и протянул Мишане ягоду. Все чему-то засмеялись.

– Отвлеклись мы вона. Слушайте, пока не забыл. Белок штук девять видел, может больше, я, как их проскамировал, сразу в другую сторону мотнул. Там заяц один на солнце вылез, я его бах бревном по ушам, это вообще свежатина, шкуру содрал. А дальше еще лиса валяется мертвая, но у нее вона шкура вся в лишае и радивация чуть есть, я прям так и закинул ее к себе, не стал расчпленять; и пару змей я рубанул, их не мерил, но они вона всегда нормальные. – Илья, молодой еще человек, часто горячо рассказывал о происходящем с ним. Его нашли мальчиком лет семи, хотя, скорее, он сам отыскал это убежище. Родители и брат-близнец умерли от лучевой болезни, удивительно, что Илью это не коснулось, ведь он жил прежде в зараженной квартире, как потом выяснила его новая семья.

– Заяц со шкурой, лиса, две змеи, – перечислил Миша.

Ваня повторил все про себя вслед за ним. Он понимал, что вся ответственность запоминания теперь лежит на нем. – Руслан, у тебя что?

– У меня? Там полная задница! Что просили, то и принес. Пара змей и недельная собака. Еле нашел ее, суку, далеко утащило, как будто ураган был. Хренаган. – Руслан устал после ныряний в соленое озеро, его глаза болели и чесались. – Может, следующую неделю Илья понырял? А мы посмотрим, как он дальше ржать будет.

– Понырял, я вона какой силач, – усмехнулся Илья. – А собака та собачилась? Ну, вона, когда живая была. – Вопрос вновь остался без ответа.

– И я силач, вон какую смородину вырастил, – не удержался и Миша.

– Дарина, а у тебя как дела, видел, ты опять надрывалась. Койку притащила, железки еще. Давай в следующий раз вместе пойдем, мяса сейчас завались. Илья все тащит и тащит, пусть теперь он здесь поработает, – заботливо предложил Руслан нравившейся ему Дарине, не оставляя надежды, что она в будущем станет с ним поласковее и родит ему детей.

Другие чувства он испытывал, когда девушка наткнулась на компанию лучевых. Не потеряв силы после побега, а точнее, не забыв украсть заряженный электрошокер из города, Дарина несколько дней выстраивала границы в новой общине. Заряды кончились, но человека в Дарине мужское общество не развидело.

– Ну, давай. Фонарем посветишь. – Дарина еще в городе решила для себя, что в этом мире не должно быть людей, ведь они приносят только разрушение. Рожать она не планировала или не могла планировать, и эта маленькая семья из шести человек наверняка вскоре кончиться. – У меня сегодня томик Рыжего, хочу, чтобы Миша почитал; есть отмытая кровать на одно место, ее выкинули из города, на ней вообще нет радиации; корыто для воды, тоже чистое; кусок железного забора, сделаем кувалду для Ильи. Или что там он себе хотел пихать?

– Это Мише, я ни в чем таком не признавался, – нашелся Илья.

– Задницу давно не чувствую, только башку, а там мозги-хренозги. В последнее время я задумался о философии, Рыжий твой, это философ? – прохрипел Миша. Он завозился на своей раскладушке так, что ее колеса закрутились и проехали пару сантиметров вперед.

– Тихо, Мишаня, ты слишком возбудился: философия, кувалда… про белок и их стаи лучше почитай, – засмеялся Кирилл, почесывая длинную бороду мощной рукой.

– Я о жизни хочу, про себя, вот Дарина меня понимает. – Миша ждал комментария и поддержки от единственной девушки.

– О жизни, наверное, уж очень мне его рожа на обложке понравилась, на Руслана похожа. – Дарина не хотела играть с Русланом в любовные игры, но не упускала шанса его подразнить.

– Забор и корыто – это хорошо, книгу не будем фиксировать. – Ваня вычленил, что нужно потом записать в тетради.

– Дарина, ты к городу бегала? А потом на другую сторону леса? А если бы ты не успела? Давайте не пускать ее одну, я буду бегать с ней! Теперь точно. – Руслан пытался сделать вид, что не услышал лестные слова в свою сторону. А фразу, заготовленную еще на «закате», решился закончить, но стеснение победило, на последних словах парень подхихикивал, пытаясь перевести все в шутливую заботу. «Лучше бы замолчал, когда она согласилась!» – подумал он. – Ваня, мне, как и Руслану, нужна смена деятельности, неделю будешь сам запоминать и записывать, а я буду Рыжего учить для себя и прекрасной дамы. Кстати, братец мой, Рыжий – это и есть белка, только самец, так что твои веселые замечания к заднице не привязаны, – поставил его перед фактом довольный Миша. Все молчаливо согласились, не найдя остроумного ответа.

– У нас сегодня все легко решается, давайте быстро про батареи и перейдем к книге, – начал Кирилл. – Батареи тяжелые, но я опять их передвинул. Солнце нынче было верхнее и светило ярче обычного, хоть и недолго, думаю, завтра будет два его выхода. Судя по всему, в кольце образовалась новая дырка – надеюсь, и старая не забилась. – Кирилл чихнул, держась за бороду, так что клок волос остался у него в руке. Неужели это старость?

– Что за «верхнее солнце» такое? – Это понятие Дарина слышала впервые.

– Верхнее – значит сверху. У нас обычно солнце восходящее, с востока, сбоку. А сегодня было строго сверху, ты разве не заметила? – спросил Кирилл, открыв глаза и повернувшись в сторону Дарины, как будто он мог ее рассмотреть. «Она считает меня стариком, или я еще что-то могу?»

– Думала, светит и светит. – Дарина опять почувствовала себя гостьей в этой семье и, наоборот, закрыла глаза.

– Она бегала как угорелая собака. Город – лес. Гав! – Илья не оставлял тему собак.

– Мусорные кольца не статичны из-за того, что мусор неоднороден, легкие и тяжелые предметы движутся с разной скоростью, а значит, дырки меняются. Что нас ждет дальше – непонятно. Не исключено, дырок прибавится и солнце будет чаще проглядывать, а может, его уже не увидим, – разъяснил Кирилл, теребя пальцами кусок своей бороды. – Мишаня, ты опять в штаны наложил?

– Смородинку удобряю, – радостно заметил Миша, и Кирилл повторил предыдущие манипуляции по уходу за братом.

– А я один раз так вона подкинул до верха книгу. Дарина приносила, какая-то хренотень на выброс. Я так подкинул, что она в кольцо улетела. – Пока Кирилл отсутствовал, Илья решил высказаться.

– Куда ты ее подкинул? В заду у тебя застряла. – Руслан достаточно жестко отреагировал на нелицеприятную реплику в сторону Дарины.

– Ты про Бродского? А что, может, и докинул, я на нее больше не натыкалась. А вы? – Пару лет назад Дарина нашла разорванную книгу рядом с убежищем и спрятала под грудой

тетрадей. Наступила загадочная пятисекундная тишина, понадобившаяся для обдумывания необыкновенного факта.

– Завтра при всех, при свете еще поподкидываю, сами вона увидите! – предложил Илья.

– Только собаку не подкидывай, а то мы с голода помрем. – Миша наконец обратил внимание на странный сегодняшний интерес Ильи к собакам.

– А давай – кто выше! Поедим и кости покидаем, – заинтриговал товарищей Руслан.

– Хватит! Ничего кидать мы не станем, и тратить солнечное время на ваши игры самцов тоже не будем, – промолвил Ваня, когда возвращался Кирилл. – Давайте лучше о книге. – Ване не терпелось перейти к другой теме.

– Сначала я, у меня уже глаза слипаются. А то во сне только и могу со своей задницей поиграть. – Миша в последнее время много спал и хотел быстрее отчитаться, пока не забыл прочитанного.

– Давай, Мишаня, у тебя про генетику было, – согласился Кирилл, говоря сразу за всех.

– Генетическое скрещивание. В прошлый раз я рассказывал про генетический код, все помнят? – начал Миша, сам плохо понимая, что говорил до этого, впрочем, заумную книгу ему подсунули, так как она вроде и научная, но не представляла практического интереса. – Генетическое скрещивание – это такой процесс. Гены двух разных родителей, ну, это их внешность, болячки, вы поняли… смешиваются для создания потомства. А скрещивать можно кого угодно, главное, чтобы они не сильно отличались друг от друга. Белку с человеком не скрестишь, хотя откуда этот Рыжий взялся? А вот белку с лисой уже можно, обе рыжие, бегают как угорелые, да и на вкус похожи. Когда двое родителей скрещиваются, их гены смешиваются, получается лисобелка, однако есть большое «но». Смешиваются они по-разному: может получиться белка, если от лисы ничего, может лиса, а может и нормальная лисобелка или белколиса. Поэтому тут не угадаешь, надо экспериментировать. А вообще, генов много. Как они смешаются – загадка, вариантов куча, и каждый на этой Земле уникален. Вот из меня удобрения отличные выходят, самая вкусная смородина получается. – Миша уже не понимал, снится ли ему этот рассказ или он еще в сознании.

Все в комнате тихо засмеялись и продолжили уже шепотом.

– У меня ветряки. Я только начал, но мы точно сможем добыть электричество с помощью ветра. Нужны лопасти, я пока не понял, что это такое; потом какая-то ось; фундамент, под него можем использовать любой столб, генератор есть в машинах; и аккумулятор. Дарина, Руслан, поищите завтра машину или аккумулятор, они хоть и зараженные все, можем рискнуть. А я продолжу читать, выясню, что такое ось и лопасти, – закончил Ваня и перевернулся на другой бок в своей раскладушке. Еще в прошлом году он был силачом, таскал животных, убивал зверей и добывал полезные предметы. Ночное землетрясение застало Ваню, когда тот сидел в саду под своим кустом смородины. Кусок зеркала от облицовки дома попал прямо в голову молодому человеку, и его парализовало. Конечно, Ваня надеялся, что сможет когда-то ходить. Если все спали, он, пыхтя и задыхаясь, пытался пошевелить то левой, то правой ногой.

– Охренеть, я не пойду нырять, я вона с машиной помогу, – загорелся Илья мыслью о свете.

– Кстати, с электричеством мы не только свет добудем. Есть куча бытовых приборов, которые я для вас открою. Нырять в соленое озеро больше не придется! – обрадовалась Дарина, вспоминая комфортную жизнь в городе.

– Мы еще помним твой бытовой прибор, – хохотнул Кирилл.

– И очень уважаем тебя, Дарина! – добавил Илья с наигранной серьезностью.

– Вам лишь бы не нырять! – возмутился Руслан, с отчетливыми нотками обиды и злости в голосе. Зачем было показывать свою слабость при всех, когда он и так на следующий день отправился бы в поход вместе с Дариной.

– Лисобелка все-таки сильнее, – проснулся Миша, бормоча в продолжение своего сна. – Вы уже о другом?

– Да, Мишаня, придумали, как тебя вылечить.

– И как?

– С помощью електричества и Дарины, – заключил Руслан, пропустив мимо ушей комментарии Кирилла и Ильи. Со слов Дарины он искренне сделал вывод, что электричество – ключ к любому изобретению.

– Нет-нет, мне тоже тогда досталось. У меня почему ног, думаете, нет? – завозился и окончательно проснулся Миша.

– У тебя ног уже лет десять нет! – воскликнул его брат.

– Так и Дарина не вчера родилась со своим електрошокером, – оправдался, как мог, Миша.

– Електричество другое, Дарина лампочек натащит, будет светло, жарить тоже без огня начнем, и из озера мясо само полезет. Да, Дарин? – вступился за девушку Руслан.

– Это хорошо. Но хренотень все. Давайте я вам расскажу историю, мне ее Маша поведала, а ей ее отец, – заинтриговал Миша, хотя все эту историю уже знали.

Глава 2

– Триста лет назад небо было чистым, и солнце заходило, только когда люди спали. Казалось бы, чего еще надо? Всего Бог надавал. Однако утратило человечество веру. Ептить их! Дебилов! В то время все ждали глобального потепления. Но не такого, как нам бы хотелось, чтобы без шуб ходить, а пламени адского. Ждали Гнева Господня, зная свою вину. Дарина, можешь как-нибудь взять книгу на такую тему, это наша история, – начал старик.

– «Гнев»? Эти книжки в городе повсюду. Они там и были написаны. Я не верю в Бога. Люди сами себя наказывают, и нет здесь никакого божественного вмешательства. А в городах только и пользуются этим, заставляя других платить своим бесплатным трудом якобы за ошибки прошлых поколений. И разделяя людей на хороших и плохих начиная с их рождения. – Дарина среагировала на просьбу вспышкой злости, делая акцент на последнем предложении. – А про этот «Гнев» мы выучили в городе наизусть. – Что это все знают, Дарина понимала, но вечно забывала, насколько другим было отношение к «Гневу» на улице, да и пересказ о нем уже сильно переврали за триста лет. За пределами Воронежа «Гнев» перестал воспитывать молодежь в нужном русле, а лишь объяснял и помогал пережить весь лучевой ужас, с которым ежедневно сталкивались свободные люди. – Впрочем, я поищу после ветряка, – промолвила Дарина уже совсем тихо и скромно.

– Даринка! Наплела опять хренотень. Так вот, потепление это было связано с мусором. Его накопилось выше крыши! На некоторых заводах мусор даже производили, чтобы другие его покупали и выбрасывали. Мусор делали те, кто не верил в Бога. Это было посылание Бога на хрен. А истинно верующих осталось очень мало, они тонули в кучах мусора и не были видны Господу. Так Бог разгневался на Землю, на свою любимую планету. И сначала только предупреждал. Он провоцировал природные катастрофы: извержения вулканов, землетрясения, цунами. Повышал кое-где температуру. Пустое! Ничего их не вразумило! И до сих пор мы искупаем тот грех. – Миша стал говорить медленнее и затих.

– Искупаем, – тяжело вздохнул Кирилл.

– Искупаем в озере, – влез Илья. – Правда скоро в озеро пойду вместо Руслана, вона грех там купать, – вовремя оправдался парень.

– Цыц! Так этого мусора стало больше, чем людей, он не перегнивал, не перерабатывался и скапливался на свалках. В это время начало теплеть. А людям все равно! Они хотели веселиться. Ведь дальше жизни нет! Земной! Греши-хреши, но силенок нет! Люди срывали одежду и набрасывались друг на друга, путая мужчин и женщин в море голых тел. Адам и Ева в ужасе наблюдали за происходящим и, подобно Богу, начали готовить свой великий Гнев. Ядерный. Дарина, ты чего не перебиваешь? – остановился Миша.

– Внимательно слушаю, – усмехнулась девушка. – Обычно ты другие слова используешь, а тут «море голых тел», «в ужасе»…

– Ептить! – крикнул Миша, а затем проговорил весело: – Это же «Гнев», священное писание. Было там дальше так. Мусор перестали сжигать, чтобы не стало еще теплее. Люди обнаженные ходили, там море голых тел. А сами, кстати, были мытые-мытые, как Дарина тремя годами раньше. Ну их-то пот омывал, а городские по слабоумию своему. Так, на триста лет назад вернемся. Мусор они собирали, на свалку относили, а сами чистюлями оставались. И один человек выдал гениальную, в кавычках, идею: отвезти мусор на Марс, пусть там тепло будет, а то планета какая-то холодная. Она согреется, и все туда отправятся, и там станет хорошо, как раньше на Земле. И Бог тогда на хрен пойдет дважды. Те люди-то думали, что это не Гнев вовсе, а с мусором они переборщили. Но даже здесь продемонстрировать свое неверие в Гнев оказалось важнее последствий. Ох, как сказал. Ну, поняли, ептить: они мусор специ-

ально кидали, чтобы показать, что Бога нет. А когда теплеть стало, сказали, что это от мусора жара, но кидать его не перестали. Дебилы!

– Мишань, мы с первого раза поняли, – с расстановкой заметил Кирилл.

– Постоянно это слышим, – согласилась Дарина.

– И если бы не они, у тебя бы вона ноги были, – добавил Илья.

– Ладно, ладно. Слушайте дальше. Повезли всё на Марс, раз отвезли, два отвезли, а мусора там как будто и нет, по-прежнему холодно. Что делать? Решили тогда Землю очистить. Догадались не выделываться друг перед другом. Бережнее к мусору стали относиться, перерабатывать там, два раза использовать стаканчики. А излишки просто в космос кидать, вроде не так затратно, как на Марс.

Возили, возили, а прохладнее не становится. Отчаялись. В это время и Адам с Евой уже подготовились. С неба пустили ядерные взрывы. Начали люди умирать, хотя их было, можете представить, десять миллиардов! Конечно, там такое море тел… Не только факелы пихали, все в дело шло. Остался миллиард, половина из них от лучевой болезни сразу поумирала, вторая половина – это мы, с иммунитетом к небольшим дозам радиации, доходим медленно. Пожалел нас Бог, раз мы наследники верующих и сомневающихся.

Пока выжившие опомнились, мусор к нашей Земле родименькой и притянулся, вот и до сих пор на полчаса в день солнце выглядывает. Это напоминание божественное: мол, живите да не забывайте меня. Я все создал, я все и уничтожу. А когда не останется здесь неверующих, тогда уйдет мусорная туча. Все попередохли, только немногие остались, да пара белок. Отстроили себе города, каждой твари по паре, да третьих не пустили, теперь сидят там, за кислород борются. Скоро и те вымрут. И нас за собой притянут, потому что как ты, Дарина, не верят.

– Миша, передавали вы друг другу «Гнев» поколениями и новые смыслы нашли, а истину потеряли. Ты, да и вы все, истории не знаете, – рискнула навязать всем свою правду Дарина.

– Ах! – воскликнул Илья. – Собаки! Мы вона не все про них знаем! – И вновь парня проигнорировали.

– Ну, расскажи нам, Дарина. Почему раньше ничего не говорила, нам очень интересно, – вставил слово и Руслан, завозившись на кресле.

– Вы всё в штыки воспринимаете, у вас своя правда, я привыкла, – оправдалась девушка.

–Ептить, хрена ли ты ломаешься! Мы что, думануть не любим? Похвантазировать! – Миша нарочито исковеркал последнее слово, и все засмеялись.

– Нет, так вы сразу это как сказку услышите. А я, между прочим, две правды знаю: и городскую, и вашу. И сделала свои выводы. – Дарина с улыбкой закрыла глаза, зная, что победила в идейном споре.

– Давай-давай, не ломайся, раз начала, електрошокером не отделаешься теперь, – пошутил Кирилл.

– Я бы тоже послушал и не верю Мише, – сказал Ваня, до того все время молчавший.

– На! – Миша кинул в сторону Вани кость, которая завалялась в кармане шубы. – В следующий раз попаду.

– Ладно, только не перебивайте, – начала девушка. – Триста лет назад на Землю напали инопланетяне, чтобы людей истребить и чтобы жить здесь остались враги. Сначала они лишили нас света: соорудили занавес вокруг планеты, и несколько месяцев Солнце вовсе не виделось с Земли. Так продолжалось, пока люди не создали искусственное освещение, многие погибли, но жизнь осталась. Это разбудило Гнев Бога. Ведь одно его творение разрушает другое творение из соседней галактики. Бог решил защитить нашу Землю от губителей. Инопланетяне не переносили жары, и Бог обрушил Гнев на их планету, которую иссушил зной. Они умирали в адских муках, а люди размножались в удовольствии. И продолжился род человеческий.

Все бы хорошо, но некоторые инопланетяне ловко спрятались в холодильниках и на полюсах. А люди утратили веру и преданность Богу, они же и укрывали инопланетян, сжалив-

шись над беднягами, которые передумали уже их захватывать. Неконтролируемая ситуация вызвала вторую волну Гнева божьего. Обрушил Он ядерные бомбы на Землю. Выжили только верующие и сомневающиеся, которым Бог даровал иммунитет к радиации. Сомневающиеся превратились в уродцев, но выжили, а истинно верующие остались такими же людьми. Чтобы мы помнили, что нельзя разрушать творения Господни, над нами висит темный занавес, дающий раз в день надежду, что он снова откроется. Для этого люди не должны убивать тварей Божьих, а беречь природу и не вторгаться в дикие леса, чтить потомков истинно верующих и, конечно, верить сами.

Но это бред! Выгодный властям городов. Так якобы оправдывается несправедливость мира. И у нас, свободных людей, как сказал Миша, тоже есть своего рода объяснение. «Гнев» учит нас подчиняться влиятельным людям и не сомневаться в их решениях.

Никакого Гнева не было. Была мусорная катастрофа, как говорил Миша, только связанная не с Богом, а с инфантилизмом. Те, кто знал последствия, улетели на Марс, придумав Гнев и инопланетян. А кто успел занять пустующее место у власти, стал нами управлять. И, пока дрались за главенство, накидали ядерных бомб. В итоге, расплачиваемся мы за ошибки других.

– Тинфатилизм, – утвердительно повторил Миша, давая понять, что не понимает смысл слова.

– Не, финтатилизм. Это что? – поддержал его Руслан.

– Вы слушали меня? – разозлилась Дарина.

– Даринка, слово непонятное, дальше все в тумане, – подбодрил ее Миша. –Ептить! Не обижайся!

– Ладно, это безответственное поведение, инфантильное. Как ты говорил про мусор. Люди, зная, что мусор повышает температуру, все равно упорно его производили и распространяли. Здесь то же самое. Древние люди не заботились о будущих поколениях, а жили только текущим моментом, считая, что кто-то другой решит все проблемы. Новые поколения придут им на смену и все исправят. Так сделали те, кто имел возможности улететь на Марс, а это были очень влиятельные люди. Так сделали те, кто захватил власть и умер, прожив роскошную жизнь. Они придумали Гнев, они сочинили про инопланетян, лишь бы не решать текущие проблемы, а объяснить все беды силой извне. Они кидали бомбы, чтобы избежать ответного удара, но бомбы прилетали с других сторон, пока всех не перебили. Это и есть ин-фан-ти-лизм.

Глава 3

Спустя пару часов полусна и легкой болтовни про собак и Рыжего, который мог бы быть последним, запустившим бомбу, Илья и Кирилл зажгли факел и принялись кухарничать. На бетонном столе Кирилл ловко нарезал собачье мясо и затем насаживал на металлический прут, чтобы поджарить его на огне. На улице шел град и заполнял пустые питьевые корыта. Натянутая над кустами смородины полупрозрачная пленка трепыхалась и хлопала, составляя конкуренцию шуму проливного дождя. Илья держал тяжелый факел и запоминал каждое движение Кирилла, тренируя зрение.

– Солнце! – закричала Дарина, проснувшись от яркого света.

Руслан в одиночку вытащил Ваню и Мишу из квартиры, сунув им первые попавшиеся книги.

– Рыжего дай, Рыжего! – возмущался Миша.

Илья так и выбежал с зажженным факелом, чуть не спалив по пути склад макулатуры, но быстро очухался, установил факел в земле и подвесил на ветки прут с недожаренным мясом. Град закончился. Дарина в первую очередь посмотрела в сторону: откуда светит солнце? Это заходящее. Такого еще не было. Девушка, не дождавшись команды и никого не предупредив, побежала искать автомобиль или аккумулятор, прищуривая глаза от чересчур яркого света. Илья бросился за ней. Руслан вернулся и отыскал нужные книги, вручил лежачим. Дарины и Ильи уже не было видно. Парень побежал в поисках автомобиля по короткому пути к концу леса, надеясь догнать Дарину. Кирилл смотрел в небо и не понимал, что происходит – новая дыра? Солнца будет больше? Затем направился в сторону теплицы, стряхнуть градины и поправить все сооружение.

– Прежде чем на тракторе разбиться,

застрелиться, утонуть в реке,

приходил лесник опохмелиться,

приносил мне вишни в кулаке.
С рюмкой спирта мама выходила,

менее красива, чем во сне.

Снова уходила, вишню мыла

и на блюдце приносила мне.
Патронташ повесив в коридоре,

привозил отец издалека

с камышами синие озера,

белые в озерах облака.
Потому что все меня любили,

дерева молчали до утра.

«Девочке медведя подарили», —

перед сном читала мне сестра.
Мальчику полнеба подарили,

сумрак елей, золото берез.

На заре гагару подстрелили.

И лесник три вишенки принес.
Было много утреннего света,

с крыши в руки падала вода,

это было осенью, а лето

я не вспоминаю никогда[1].

Миша довольно прочитал стихотворение, не понимая ни его красоты, ни смысла слов.

Ваня вдумчиво читал о ветряках, то и дело пряча книгу от слепящего солнца. Он не просил повернуть кушетку, так как не хотел тратить ни секунды ни своего, ни чужого времени. Парень проговаривал про себя каждое слово, чтобы не упустить смысл и лучше запомнить содержание научного труда. В какой-то момент он кинул его на укрытый теплым покрывалом живот и прижал ладони ко лбу и глазам, слегка вдавливая их внутрь. Уже через минуту Ваня, как ни в чем не бывало, вновь читал текст. Вслух он чуть слышно проговорил, стискивая зубы: «Геотермальная электроэнергетика. Еще одним альтернативным источником электроэнергетики является геотермальная электроэнергетика».

– Ты чего бубнишь? Меня перебиваешь? Я тут о прекрасном, о смысле жизни, – начал Миша.

– И в чем смысл? – отвлекся Ваня, разочаровавшись в книге.

– Это надо всю прочитать, с Даринкой. Тут какие-то «опохмелиться», «вишня». Хренотень непонятная, городская. – Миша плюнул в сторону, попав себе же на щеку.

– Ох, Миша, завидую тебе. Не спешишь никуда, – заметил Ваня.

– А ты спешишь? На руках пойти – куда собрался? То я смотрю, книгу поднял над башкой. – Миша вытер слюну правой рукой.

– Я про дело. Читать этого Рыжего себе бы не разрешил, а ты смакуешь, наслаждаешься жизнью. Я же бегу-бегу, чего-то хочу, а зачем?

– Я тоже бегу, а жизнь все идет и идет, меня ж там Машка ждет и трое карапузов.Ептить, без отца там, Машка не справляется, – засмеялся Миша.

– Скорей бы все закончилось. – Ваня уткнулся в книгу и больше не слушал товарища.

Кирилл уже развел огонь, потушил факел и отнес его в комнату. Во время разговора Вани и Миши он укреплял над жарким огнем прутья с мясом, чтобы оно не загорелось.

«А зачем тут я? – задавал Кирилл вопрос самому себе. – Спешу ли я? А там меня Маша примет или останется с ним? И что будет, когда он узнает? И кого выберет она? А может, нашла там себе какого-нибудь ангела? – Затем он отошел и побежал в сторону города посмотреть

[1] Стихи Бориса Рыжего.

на себя в зеркало. – Скажу, что искал там новые тряпки для Мишани, успею найти, солнце надолго вышло».

Дарина неслась быстро, она каждый день бегала, да еще и с тяжестями, поэтому конкурентов в скорости ей не было. Илья, когда наконец увидел соседку, задыхаясь, начал кричать: «Стой! Стоооой!» И остановился сам, положил руки на колени, делая глубокие громкие выдохи и короткие вдохи ртом. Пот лился струями под жаркой шубой. Парню стало ясно, почему Дарина бегает без нее, только в найденной одежде древних людей: брюках и джемпере. Двигаться Илья больше не мог, но, вопреки его ожиданиям, подняв голову, заметил приближающуюся девушку.

– Иди направо, – показала рукой Дарина, зная, что там нет машин, потому что она недавно туда бегала. – Я пойду прямо. Если что-то найдешь, заберем завтра все вместе. Тряпки Мише нужны, штаны, захвати их. Я туда. – Дарина показала прямо и мгновенно скрылась. Илья только тяжело задышал в ответ.

Илья дошел до заброшенного магазина и дальше побежал. Он фиксировал в голове движения тела и старался двигаться, запоминая увиденное и свое физическое нахождение в пространстве. Неизвестно, на сколько солнце вышло, обратно, возможно, придется возвращаться во мраке.

«Вона я дальше побегу, а там волчара-маньяк. Даринка! Отправила меня в темноте одного! А вона не вернусь? Что будете делать? Дарина виновата! Сама пригласила, главное, а теперь вона там, бегает! Проквазница! А она расскажет, что я сам убежал? И она тут ни при чем. Вона как придумала. А кто им будет белок ловить? Кирилл? Вона ага, как же! Не! Как там вона надо, смотришь в небо, а с какой стороны просвет? Так, он с двух сторон просвет, значит, вона нормально. Времени хватит», – рассудил Илья про себя, достал дозиметр и направил на ближайший девятиэтажный дом.

– Радивактивный, Даринка сюда не ходила, вона что-нибудь найду, лопасти-хренопасти, осии-хрёсии, – уже вслух и нараспев произнес парень. И поднялся на несколько этажей вверх, пока лестница была безопасна и устойчива. В высоких домах свободные люди почти всегда пользовались этим методом осмотра: начинали сверху и постепенно спускались ниже. На верхних этажах можно переночевать, дикие животные туда забирались редко; а если предметы нельзя было выкинуть через окно, то быстрее сначала нести с высокого этажа, а затем подниматься на нижний.

Дарина отбежала от Ильи и взглянула на небо. Солнце двигалось к более длинному просвету, значит, сиять будет еще долго и можно проверить стоянку машин, решила девушка. Дарина бессознательно не разрешала показать превосходство над собой, отчасти из-за опыта жизни в городе, а отчасти из-за жестоких взглядов на улице. Интуитивно она понимала, что если даст слабину, то ее съедят.

– Руслан? – удивилась Дарина. – Как ты меня обогнал?

– Я по короткому пути, уже думал, вы с Илюхой того, в другую сторону убежали. Тут вот две машины почти без радивации рядом стоят, – обрадовался Руслан.

– Я тоже по короткому пути. А, точно, я отвела Илью за магазин, вот мы и разошлись. – Дарина показала куда-то в сторону.

– Солнце с двумя одинаковыми просветами, у нас еще много же времени, успеем дотащить, – предложил Руслан.

– Нет. Миша все заляпал, поищем тряпки, а машину завтра втроем донесем. – Дарина не могла позволить кому-нибудь занять ее место и отложила на потом придумывание плана, как лучше донести машину.

Через час после выхода солнца оно зашло. Кирилл при свете костра медленно рассматривал Ваню, потом Мишаню, затем подбежал Илья, волоча за собой огромное дерево, парень тоже попал под пристальный взгляд, а спустя пару минут и Руслан с Дариной. Кирилл молча

раздал всем подгорелое твердое мясо и пошел в дом за новым, готовить порцию на завтра, пока огонь не потух. В это время, как обычно, все собирались в сторожевой, обсудить сделанное.

– Кирилл, мясо на вкус, как Мишина дрисня, хрень полнейшая, – завозмущался Руслан.

– Да, неважное. – Миша крутил кусок в руке, даже не пробуя его перекусить беззубым ртом.

– Сам за собой убирать будешь, «неважное»! – начал Кирилл. – Это солнце на час вышло, я и за тряпками успел сбегать, и батареи настроить, и смородину поправить, и новую партию положить. Не нравится – не ешь.

– Кирилл, действительно мясо – плохое, – добавил и Ваня сочувственно.

– Собачье дерьмо! – весело поддержал его Илья.

– Кирилл, с тобой правда что-то не так сегодня. Миша вон лежит, воняет давно, а ты не чувствуешь? – Дарина пережевывала кусок мяса, который только что откусила.

– Братец, семья! Угощаю всех своей смородинкой! Выбрасывайте эти угольки, вас ждет настоящий кулинарный шедевр! – помпезно сказал Миша, похрипывая и смеясь.

– А когда он уйдет, я вам расскажу про Рыжего, а то будет своим старческим нудежом все портить. – задел за больное Миша, сам того не подозревая.

Кирилл молча собрал экскременты и вышел на освещенную костром улицу. Он выбросил их под куст брата, на секунду застыл и решил распределить удобрение между всеми шестью. Кирилл обтер тряпку об острый бетонный выступ рядом с корытом для грязных вещей и закинул ее к остальным таким же в воду, уже схватившуюся ледяной корочкой. «На следующем солнце постираю», – решил он, даже не заметив потасканную ель рядом. Затем направился к костру, перевернул прутья с нанизанным мясом и вновь замер, глядя на догорающие угли. Возвращаться не хотелось. Жизнь закончилась, думалось ему. Нового уже ничего не построить, остается жить по накатанной, не заслуживая своего прошлого и поэтому не надеясь на будущее после смерти и даже опасаясь его. Все это чувствовал Кирилл, но не мог понять себя и в костре пытался разглядеть подсказку. Волчье рычание вдали заставило пожилого мужчину моргнуть и сдвинуть с места голову. Нужно было возвращаться.

– Еще про озеро там было, в небе озеро. Хвилософия! В небе озер нет, – хвастался Миша, когда Кирилл входил в комнату. Илья и Миша спорили на потеху остальным.

– А дождь вона откуда?

– Из тучи.

– А туча вона, чем не озеро?

– Озеро! Ты попробуй туда нырни! Это хвилософия!

– Туча вона двигается, в нее сумей попади.

– Нет, Илья, отстань, я им про смысл жизни, а он на смех переводит.

– Кирилл вернулся, – услышал его тихое присутствие Ваня.

– А что так долго, смородина тяжела? – быстро переключился Миша, в его руках уже не было куска мяса.

– Давайте уже начнем с меня, должен испортить ваше хорошее настроение. С ветряками не выйдет. Нужен сильный ветер, у нас его почти не бывает, – с сожалением сказал Ваня. – Буду искать дальше, книга толстая.

– А мы несколько машин нашли, только прикатить сюда осталось, – мгновенно потеряв радостный настрой, сообщил Руслан. Парень понимал, что пробежаться с Дариной в ближайшие дни не получится, надежда лишь на проблески дневного света. – А с солнцем что? Оно теперь два раза будет выходить?

– Что принесли, Дарина, Кирилл, Илья? Сразу запишу, пока костер не догорел. – Ваня торопился, но знал, что если подгонять своих, то можно и нарваться.

– Мы тряпки и несколько штанов зато принесли. – Дарина чувствовала свое превосходство, и новость о ветряках даже ее порадовала. – Двенадцать больших тряпок и двое штанов.

– Двадцать тряпок. – Кирилл наконец присел на кресло.

– А чего вона у меня спрашиваешь? Ослеп еще? Я дерево принес и посадил. Оно вона колючее, от волка спасение, – опять начал спор Илья.

– А ты чем лучше волка? Сам донес бегом, не искололся, – поддел его Миша.

– А я ветку отломлю и в морду его маньячную запхну. – Все засмеялись над Ильей. – Всё? Больше аргаментов нет? Ваня, поехали. – Илья повез Ваню на улицу к свету костра, не дождавшись от остальных ответа или новых комментариев. Через две минуты они оба занимали привычные места в сторожевой.

– Появилась новая ночная дыра, – отметил Кирилл. – Целый час солнце. Если дальше так пойдет, жить станет проще.

– Да, ровно час светило, рекорд. Может, городские запустили тихую бомбу? – рассудил Ваня.

– Они могли, хотя не слышала о таких проектах. – Дарина опять почувствовала свое превосходство благодаря нужде в ее экспертном мнении.

– Вот и радиактивным белкам объяснение! – вспомнил Руслан.

– Надо бы проверить почву и предметы рядом, – осторожно предложил Ваня. У семьи было четыре дозиметра, и все ходячие отправились на улицу.

– Ну вот, все бегают, а ты на расслабоне, а то бежит он, бежит. Втирал мне тут. Еще бы посмотреть на это, – захрипел Миша.

– Чисто.

Шли дни, а солнце больше не удивляло. Как и раньше, оно выходило с востока примерно на двадцать – двадцать пять минут и опять заходило, погружая улицы Воронежа во мрак.

Глава 4

«Дзинь-дзинь! 12 Марта 2400 года, 0 часов!» – громко прозвучало из динамиков.

В кристально белой комнате ярким пятном горели две молодые и свежие головы на алом постельном белье. Головы освещались только что автоматически включившимися лампами. На стенах высвечивались цветные электронные фотографии, сменяясь через три минуты. Каждая пятая картинка – социальная реклама режима. На прикроватных тумбочках лежали черные повязки на глаза. Пахло мятой с корицей.

Храп Андрея не дал Наташе забыться во сне ни на минуту. Она ненавидела не только храп, но и всего его.

Двое молодых людей разошлись в противоположные стороны от спального места, открыли одинаковые светлые створки шкафов. Наташа скинула с себя алую кружевную комбинацию и, торопясь, надела белое белье, а за ним легкое струящееся платьице молочного цвета, как и большинство предметов ее гардероба. Затем девушка направилась к комоду и взяла расческу. Прядь за прядью она расчесывала свои каштановые волнистые волосы, а затем собрала их в низкий хвост на время утренних процедур. Андрей поменял красные обтягивающие трусы на бежевые и надел серые брюки, достал и кинул такого же цвета длинную рубашку-халат на кровать. А потом так же, как и Наташа, приступил к своей прическе. Свои длинные прямые рыжие волосы он заплел в косу, расправил плечи, глядя в зеркало, и глубоко вдохнул носом.

«Встаньте напротив зеркала, ноги на ширине плеч…» – зазвучал электронный голос. Они вдвоем подошли к общему зеркалу перед кроватью и, зевая, стали выполнять команды.

***

После генетического обследования в 9 лет Наташе разрешили завести семью. Огромное счастье для всех ее родных! Это большая редкость для Воронежа, да и, наверное, любого города. После ядерной катастрофы в 2093 году у девяноста процентов людей был поврежден генетический код, спустя время эта цифра только увеличилась. Выжившие бесконтрольно совокуплялись и создавали семьи, пока государства не взяли в свои руки демографическую проблему.

Для начала людей разделили на три категории. Первая, с необратимыми повреждениями кода, выполняла самую тяжелую физическую и умственную работу, в возрасте 9 лет таких, как правило, стерилизовали. В 99 процентах случаев внешние уродства этих людей были видны невооруженным глазом. Семьи детей первой категории выставлялись на посмешище, лишались заметной доли кислорода, переселялись в небольшие комнаты и, соответственно, в таких условиях умирали раньше. Пользы для общества от них не было.

Вторая – внешне здоровые люди, но с потенциально опасными для потомства болезнями в генетическом коде. Их тоже стерилизовали, но работу и досуг они выбирали себе самостоятельно, что им по душе, а их семьи сохраняли многие прежние привилегии, кроме кислорода для некоторых родственников.

Третья – здоровые, способные обеспечить городу хорошее потомство люди. Таких обязывали заводить семьи и всячески поощряли. Политические методы исправления демографической ситуации сработали: примерно с 2190-х население всех городов стало расти и росло до сих пор. Были и неофициальные законы, обязательные для всех жителей Воронежа, в частности постельные – для лиц третьей категории. Они передавались из поколения в поколение, в городах могли немного разниться, но в целом были очень похожи. Среди таких законов, например, цвет постельного белья на время зачатия ребенка, он мог быть алым, красным, фиолетовым или розовым; объем работы для мужчин снижался; дневной контакт между супругами минимизировался; ночью в комнаты пускали легкий запах феромонов. С момента фиксации беременности и до возраста ребенка в два года наступала «белая» пауза, после нее все начиналось

вновь, пока супругам не исполнится по сорок лет. Обычно семья имела около восьми детей, но Наташина – исключение. У нее был только один брат и старые родители. Посмешище!

Когда Наташа узнала, что попала в третью категорию, она и ее близкие пришли в восторг, ведь теперь ее старший брат Антон мог участвовать в экспериментах по чистке ДНК (до которых допускались единицы). А если у нее родится здоровый ребенок, то родственники до третьего колена будут получать достаточно кислорода до ста лет. Из-за брата второй категории семья не могла получать кислород на всех. Антона в девять лет не стали стерилизовать, так как у него была маленькая сестра, внешне и по анализам обещавшая попасть к третьим. В четырнадцать, когда сестре было девять, его забрали на эксперименты на год, чтобы отработать механизм чистки кода для перевода в престижную категорию; порой это срабатывало. Эксперимент длился двадцать лет, но девятнадцать из них парень жил обычной жизнью в обществе вторых.

Общая тревога из-за лишения кислорода передавалась Наташе на интуитивном уровне. Их семью хорошо знали в городе, как и все семьи со здоровыми детьми. Жители искренне радовались, как казалось, их появлению на улице, про них снимали фильмы, писали книги, вешали повсюду их портреты. И тихонько посмеивались над их немногочисленностью. Мама и папа никогда не упрекали старшего сына и себя за генетическую ошибку и не сложившиеся зачатия, свой долг они выполнили, как сумели, можно было и умирать. Они жили в роскоши и подарили детям возможность тоже ею насладиться. Людям третьей категории не страшно умирать, не больно. Первые могут задохнуться от нехватки кислорода или от болезни в любой момент. Прямо на обеде или в лифте, за этим нелегко наблюдать. Такое ощущение, что перед смертью их специально выпускали из комнат на всеобщее обозрение. Конечно, это сказывалось на отношении к смерти вторых и третьих. Вряд ли кого-то пугал переход в новое измерение жизни, в котором, согласно «Гневу», имелись неиссякаемые источники кислорода, а для первых – шанс переродиться в человека другой категории. В «Гнев», так или иначе, верили почти все, а вот в физическую жизнь после смерти – почти никто. Ходили слухи о другом учении, что после смерти нет ничего материального, только дух и единение с Богом. Это уже походило на правду и очень нравилось первым. Что действительно пугало красивых людей, так это боль при смерти. После сорока любой третий мог обратиться в министерство с запросом о безболезненной смерти, например, если ему хотелось попасть в иной мир, или кислород был на исходе, или имелась какая-то неизлечимая болезнь. Что касается вторых, так они могли обратиться туда в любом возрасте, если, конечно, с ними не проводили эксперименты. Наташины родители не верили ни во что, поэтому умирать не спешили. Они по-настоящему наслаждались своей известностью, легкостью и превосходством. И как от всего этого отказаться? Ровно в сорок так поступили бабушки и дедушки Наташи и Антона. У них вера была покрепче.

Чтобы снизить накал эмоций из-за ответственности за будущее родителей, в пять лет девочка заинтересовалась экспериментами над человеческим организмом. Они проводились в центральной лаборатории, расположенной по соседству. Это было невероятное место! Стеклянные камеры с недвижимыми мумиями вымерших животных занимали несколько этажей. Тут не только ребенок, а и взрослый поражался масштабам, разнообразию экспонатов и их загадочности. На входе огромный слон пробил идеальный квадрат в потолке на два этажа. Его изогнутый хобот как будто зазывал: «Это только начало! Посмотри на нас всех!» Если нажать на кнопку перед камерой, то от слона отрывалась голограмма и изображала несколько типичных поворотов головы вверх и вниз, затем шаги, бег. Из отверстий лился запах потного меда. Далее слон останавливался и перед ним загорались кучка яблок и вода в лужице, он ел, высоко задирая хобот, испражнялся и засыпал на минуту. Голограмма исчезала. Если нажать на кнопку дважды, появлялась голограмма слона и слонихи, которые совокуплялись, а затем она сразу рожала маленького слоненка. Такие кнопки были возле каждого животного. Еще в камере стояли невысокие холодильники с генетическим материалом экспоната. Наташа приходила в восторг от ярких голограмм, приветливых обезьянок и маленьких кроликов. Ей хотелось

всех по-настоящему оживить и потрогать или хотя бы стать испытуемой, чтобы с ними подружиться. Здесь изучали генетическое скрещивание животных и людей. Со времени открытия лаборатории в 2140 году не было ни одного удачного эксперимента, однако ее финансирование не прекращалось и делалась большая ставка на развитие всего человечества именно из этой комнаты. Зависимости от кислорода следовало положить конец! В 9 лет Наташе запретили участие в экспериментах; тяжелый интеллектуальный труд, соответственно, тоже оказался ей недоступен.

Со временем она забыла про свое детское любопытство и продолжила жить внушенной ей мечтой о будущей семье, лишь сохранив дружеские отношения со всеми сотрудниками лаборатории.

***

Наташа, как и полагается, сделала онлайн-зарядку вместе с выспавшимся мужем и отправилась в свою ванную комнату. Осьминожка приходила под утро, полотенце оставалось горячим, виднелись следы воды на зубной щетке. Наташа удивилась ее приходу, ведь топот шести ног должен был быть слышен человеку, который так и не уснул. Девушка почистила зубы, умыла лицо холодной водой и отправилась на завтрак – единственный скрытый ото всех прием пищи. Наташа вернулась в белую комнату с алой кроватью и встретилась глазами с Андреем. Он отвел в сторону взгляд, а потом приоткрыл рот, его увлажненные губы дрогнули, он резко отвернулся и ушел в их общую столовую.

«Как отвратительно! Но все по учебнику! – вспомнила Наташа уроки размножения. – Теперь придется терпеть его двусмысленные фразочки». Она глубоко вздохнула, выдохнула ртом и отправилась за ним. Пора было начинать новый день, это работа девушки: жить и развлекаться на радость местным.

К ее счастью, мужчин всех категорий обязывали трудиться. Прогуливаться одной и улыбаться легче, чем изображать симпатию к неприятному человеку. Андрей отправился на государственную службу, к остальным мужчинам в серых, черных и красных нарядах. Костюм говорил о высоте должности. Серые носились только людьми третьей категории, и они занимали «игровые» посты. Черные костюмы надевали «мозги» системы, в основном первые, но порой и вторые. Черные одежды не считались престижными, однако в руках таких людей была сосредоточена власть. Красные плохо думали, но хорошо выполняли. Можно было в один день из черного переодеться в красный и наоборот, система отличалась лояльностью. У мужчин в моду вошли тугие косы, но некоторые консерваторы носили хвосты-пальмы. Лысые, опасаясь переодевания в черное, надевали парики, несмотря на то что об этой мужской особенности все знали и, как правило, не считали ее уродством. Туфли мужчины носили легкие, на тонких нитях-лентах. Многие передвигались на каблуках, чтобы соответствовать идеальному росту – сто девяносто сантиметров. Несчастные двухметровые, каких много в Воронеже, горбились, пригибали колени и чувствовали себя уверенно только сидя. В «игровые» обязанности Андрея входило распределение воздуха между людьми второй категории: программа сама просчитывала нужные показатели, но так сложилось, что всё касающееся кислорода должно было оставаться под контролем человека. Андрей перед огромным стодюймовым экраном нажимал кнопки и по-разному проходил каждый следующий день-уровень, затем сравнивал свою наиболее удачную игру с вариантом компьютера и получал бонусы, если эти варианты оказывались максимально близкими. Бонусы можно было потратить, например, на упоминания о себе в фильмах или учебниках, дабы новые поколения изучали твою жизнь. И жить Андрей стремился так, чтобы было о чем написать. Он стал самым молодым и красивым мужчиной третьей категории: строгая принтерная диета, идеальный рост от природы, модная одежда, дополнительные занятия спортом. Серьезное достижение! В планах было побить рекорд по количеству здоровых детей и ярко умереть, когда последнему исполнится девять.

Андрей не был плохим или злым человеком, Наташа выбрала его сама. После исполнения детской мечты о замужестве и прекрасном принце у девушки не осталось желаний и интереса к жизни. Она слонялась по городу, не зная, как все закончить, ведь любые ее действия наблюдались компьютерной программой, основная функция которой – защитить. Наташа вспомнила брата. Ему стало лучше. У него теплилась надежда, он лелеял мечту. Да и Андрей стремился к цели, хотя и неинтересной, навязанной политическим устройством города.

Антон после восьми лет испытаний оказался под угрозой попадания в первую группу. Это еще не конец, в семнадцати процентах случаев можно было остаться во второй, и в одном проценте – перейти в третью. Достаточно много. Наташа с ним не пересекалась, только изредка встречала новости о нем. Он трудился где-то недалеко от Андрея, выбрал для себя сложнейшую умственную работу, как будто смирился с тем, что обречен горбатиться с первыми.

Глава 5

Наташа в одиночестве прогуливалась по парку, пока немногие состоявшиеся и будущие мамы смотрели премьеру исторического фильма про нашествие инопланетян в 2093 году. Такие картины специально показывали в рабочее время, чтобы не мешать людям третьей категории жить размеренно и просторно.

Через несколько минут начнется первый обед для первой и второй категорий. Тишину нарушит искусственный голос, он сменит крик поездов и неразборчивый общегородской бубнеж. Улицы и столовые заполнят одинаковые красные, черные и коричневые муравьи, собирающиеся в кучки и поодиночке что-то жующие. Пройдет полчаса, голос объявит второй обед. Опять поезда, бубнеж, новые муравьи. Может показаться, что картина повторилась и нет ни единого отличия.

Обеды будут съедены, столы пусты – всего через полтора часа. Закончится премьера – немногочисленные воздушные белые бабочки выпорхнут парами на улицы и украсят пустующие парки и скверы. Легкое пение красоток до вечера будет ласкать датчики искусственного интеллекта. Эти разговоры мог бы придумать и он сам, ведь они так подходят под загруженные алгоритмы поведения программы. Идеальные шаблоны!

– Фильм прекрасен!

– О да! Какая историческая точность!..

– Инопланетяне были такими противными!

– А как хорош главный герой!..

– Надеюсь, Васенька родится здоровым.

– Да, я тоже, через пару недель узнаем!..

– Попробуй, я заказала распечатать новое мясо с идеальным соотношением жира и углеводов, если добавить киноа, получится очень полезно!

– А что из напитков?..

– Открылся парк с новым кислородом на восьмом этаже!

– Я была там, очень свежо!..

– Я думаю, что улыбаться первым тоже надо.

– Да, согласна, я всегда так делаю, скоро же их смогут перевести к нашим!..

– Видела сегодня Андрея, у него новая рубашка с округлым воротником!

– Ух ты! Я бы тоже посмотрела; может, вечером удастся!..

– Мне уже тридцать девять, скоро в новый мир!

– Да, ты неплохо здесь потрудилась, там это точно оценят!..

«Шесть часов. Первый обед», – позвал голос работников всех профессий, принимающих пищу в первые полчаса общего обеда.

Послышался рокот скоростных поездов. Они должны были за пару минут отвезти работников с разных концов и уровней стокилометрового стоэтажного города в обеденные центры.

Наташа проходила мимо одного из них. Черный состав из вагонов, разрисованных желтыми стрелами, замедлился при виде молодой красавицы. Когда он окончательно застопорился, черные двери перестали быть матовыми и стало видно, что творится внутри. Красно-черно-коричневая масса переливалась специфическим перламутром. Двери быстро открылись, съехав куда-то вниз, цветные муравьи потопали толстой линией, расползаясь среди столов разреженным облаком. Люди выходили не только из поездов, но и из близлежащих кабинетов. Над всем этим нависла стая железных птиц, следящих за нормами поведения и блокирующих преступления. Больше всего народа шло из центральной лаборатории и киносообщества. Это были крупнейшие организации во всем городе. Их сотрудники также шли в красно-черно-коричневых одеждах. Как и на государственной службе, черный цвет означал

самую напряженную интеллектуальную работу, в коричневый одевались исполнители, а в красный, самый яркий и завидный костюм, – люди творчества. Красные костюмы отличала многоликость фасонов, а женщины даже носили платья, подобно представительницам третьей категории. Конечно, встречались серые наряды, но они были настолько редки, что терялись в общей массе. Государственные служащие обедали на своем этаже, но некоторые для разнообразия спускались или поднимались на высокоскоростных лифтах, если повезет влезть в переполненную кабину. Когда работникам надоедало обедать где придется, у них появлялись любимые места и свои компании.

В центре каждого стола находился большой принтер, вокруг него белоснежные тарелки и приборы: вилка, ложка, нож. Салфетку, как и любые продукты, при необходимости можно было распечатать на принтере. Нормы питания у всех индивидуальные. Они определялись на обследовании в девять лет. Каждый человек, решая распечатать что-нибудь вкусное или не очень, запускал принтер безымянным пальцем правой руки, а безрукие пользовались специальной рельефной татуировкой. Открывался доступ к личному кабинету. В меню указывались допустимые по количеству белков, жиров и углеводов блюда со вкусами, заранее помещенными в устройство. Частенько наблюдалась картина, как кто-то вскакивал со стула и бежал к свободному принтеру, найти другую еду. Шансы были, но прием пищи в таких случаях приходилось значительно ускорять, чтобы уложиться в полчаса.

Наташа решила поесть в первую волну обедов. Это не запрещалось, и девушка часто так делала. Ее взгляд остановился на одном столике. Первая за день искренняя улыбка заискрилась на лице белыми зубами, а ноги понесли вперед. Наташа весело подпрыгивала к знакомой персоне, касающейся кнопок на экране принтера.

– Привет! Так давно тебя не видела! Горбач! Что у вас нового? – зазвенел и затараторил девчачий голос.

– Наташа, ты не на премьере? – С огромным горбом, в черной униформе, человек, не похожий ни на мужчину, ни на женщину, удивленно поднял голову через бок, вверх не позволило бы необычное строение его позвоночника. – Привет! Год тебя не видел. Почему ты решила пообедать с работящим народом? – У Горбача на лице затеплилась ответная улыбка, однако столовую ложку он не отпустил – времени на обед было впритык.

– Хочу посмотреть с вами, а не с экзальтированными мамашами-искусствоведами. Ты и Урод всегда что-то интересное подмечаете, какие-нибудь ошибки-нестыковки, – отшутилась Наташа, стараясь закрыть тему. – Посоветуй вредное блюдо, моя диета раз в неделю позволяет съесть что-нибудь такое для эмоционального равновесия. – Наташа дотронулась безымянным пальцем до экрана принтера, открылось меню. Девушка пролистала вбок до значка «Нельзя» и нажала на него.

– Ого, – удивился Горбач, – не слышал об этой функции. Но у меня и так неплохой порог допустимого. Смотри, сейчас я ем борщ с чесноком и салом. Если его закажешь, будет вонять изо рта. Самое нейтральное из вредного – молочный шоколад. – В ожидании ответа он стал быстро черпать ложкой суп и заливать себе в рот, чтобы успеть и поговорить, и поесть. Капли летели во все стороны, на черном халате их не было видно, а до белого платья Наташи они не доставали.

– Шоколад я и так часто беру, хочу что-нибудь новенькое, необычное. – Девушка отвернулась от стола, пялясь в тарелки других людей. С Горбачом они сидели вдвоем.

– Попробуй шпроты. Они во всех принтерах есть, их никто не берет, потому что нельзя. – Теперь Горбач принялся за чеснок и сало. Он моментально надул ими щеки, рассчитывая дожевать за время ее ответа. Наташа немного смутилась и молча распечатала на принтере заявленные шпроты.

– Раньше про них не слышала. Выглядит аппетитно! Тебе надо издать учение о вредной еде! Или снять инструкцию: смотри, сколько здесь киношников. Хочешь, я с кем-нибудь это

обговорю? – Девушка специально тараторила без остановки, чтобы дать собеседнику время прожевать пищу.

– Не шути так, а то я соглашусь! – хохотнул Горбач, и крошки полетели изо рта на стол и в борщ.

– Расскажи, пока я пробую шпроты, мне тоже надо уложиться в полчаса. Как дела в лаборатории, я у вас целую вечность не была? Ты недавно рассказывал про запланированные эксперименты с медузами. Как все прошло? – Наташа соврала о лимите времени на обед, ей просто было неприятно смотреть на разлетающиеся слюни, сопли и остатки еды. Аппетит портился, а блюдо действительно оказалось с интересным вкусом.

– Ты помнишь? Не ожидал! Как всегда, долго это начинание не прожило. Кстати, новость! Нас закрывают. Через пару месяцев переформатируют в обычную генетическую лабораторию. Экспериментов больше не будет, мы дописываем отчеты и уничтожаем весь материал. – Горбач без сожаления поделился новостями с хорошей подругой. Ему давно стало неважно, чем заниматься, лишь бы воздух давали, для первой категории это роскошь. – Животных оставят, пока будем разрабатывать схемы копирования для других городов, где нет принтеров. Им приходится есть мясо животных. Слышала про такое?

– Нет. Наверное, у них и с кислородом проблемы. Хорошо, что хоть кто-то им помогает, – с сожалением удивилась Наташа, насаживая на вилку очередную рыбку. – Мясо – это же очень вредно и опасно! А почему не можем поставлять им принтеры?

– Ты весьма логична! Я задавал такой же вопрос министерству, но ответа не получил. – Горбач взял тарелку, наклонил к губам и стал, прихлебывая, пить из нее бульон.

– Да, это они любят. Зато от нас на все вопросы ответа добьются, – пошутила Наташа. – Кстати, шпроты – супер! Лучше шоколада во много раз!

– Рад, что оценила. Поздравляю тебя со свадьбой! Самый завидный мужчина в городе и самая красивая и здоровая девушка объединились, чтобы подарить нам будущее. Это прекрасно! Желаю вам много третьих детей нарожать, уверен, что они будут без ошибок! Даже со шпротами и шоколадами! – У Горбача поднялось настроение оттого, что он успел быстро съесть свое блюдо и на разговор оставалось еще минут двадцать. Можно было даже что-то распечатать, этим он и занялся.

– Спасибо! – Она одарила его своей коронной шаблонной улыбкой, которую выучила сразу после свадьбы.

– Ты еще не беременна? – поинтересовался Горбач, перекладывая тарелку с молочной шоколадкой поближе к себе.

– Нет. – Наташа сделала паузу. – Расскажи лучше про лабораторию. Неужели ни один эксперимент не сработал?

– С таким интеллектом тебе следовало родиться первой! Но ты подаришь нам идеальное поколение: здоровое и мозговитое! Если в двух словах, то скрещиваемые должны быть максимально похожи, а мы соединяем палку с солнцем. Мы, конечно, брали только одну функцию – регенерацию клеток, но чтобы она работала, нужно менять тело, за телом – кровь, за кровью – еще что-нибудь и так бесконечно. – Горбач увлекся, но потом вспомнил, кто перед ним, и вовремя остановился, так и не перейдя к деталям.

– Здорово! Так интересно! Хочу, чтобы мои дети тоже занялись чем-нибудь в этом роде, чтобы, понимаешь, было у них дело жизни, а не убогое потребительство. Взять Андрея: красивый – да, обаятельный – да, но только картинка. Что он может создать? Такую же картинку. Я думаю, именно вы обеспечиваете наше будущее. Взять тех же людей без принтеров – помогаете им. Вы и что-нибудь придумаете с ошибками кода, с внешностью! Вам надо оставлять потомство! Иногда я жалею, что попала в третью категорию. Хочется быть нужной. По-настоящему полезной, Горбач. – Наташа спохватилась и постаралась придать наигранности своим словам, чтобы не привлекать внимания железной птицы. Заболтавшись со старым другом, она

забыла о правилах, но все-таки попыталась переинтонировать свои слова в модное сочувствие людям первой категории.

– Ну, хватит. Знаю, что у вас сейчас принято нас жалеть, – обнажил коричневые зубы Горбач. – Давай сегодня сходим на фильм вместе с нашими, раз ты не попала на премьеру.

– Вы арестованы, – прозвучали слова из железного рта робота над стулом девушки.

После трехсекундного ступора Наташа резко вскочила и побежала прочь. У нее было несколько минут, а может и часов, пока на сигнал об аресте отреагируют люди. Обеденное время играло ей на руку, ответственные за арест, возможно, куда-то отлучились. Птица летела за Наташей, но ничего не могла сделать. Обедающие с удивлением смотрели на местную знаменитость, в ошеломлении и страхе не пытаясь ее остановить. Повисла тишина. Наташа подбежала к дверям с надписью «Центральная экспериментальная лаборатория г. Воронежа» и скрылась за ними. Сначала тихий, шоковый бубнеж в столовой превратился в настоящий гул. Такой, что подъезжающего поезда уже не было слышно.

В лабораторию многие стремились попасть хотя бы раз в жизни, но еще никто так внезапно и резво туда не забегал. Сотрудники, кто мог, вскочили со своих мест и двинулись на непривычный шум. Стук шагов от них удалялся. Наташа бежала, встречая на пути кошек, лисиц, черепах, оленей. Девушка не успевала их разглядеть, но помнила наизусть визуальную карту лаборатории. Картинки животных сменялись в голове девушки каждую секунду. Она вспоминала их запахи и будто чувствовала непривычные в городе ароматы хлопка. Куда бежать – она не знала. На адреналине все идеи приходили из подсознания, и Наташа даже не успевала обдумать или усомниться в каждом решении. Животные сменились дверями с надписями. Девушка замешкалась, тут она бывала редко, да и надписи, скорее всего, поменялись.

На табличке «Утилизация» ее глаза замерли. Именно утилизация грозила ей в реальной жизни, разве это не подсказка?

Наташа подергала ручку двери, она не поддавалась. «Бежать дальше», – закономерная мысль. Но дверь открылась изнутри, девушка увидела знакомые лица.

– Топтунья, Урод! Я так по вам соскучилась! Помогите мне! – Она захлопнула за собой дверь и без сил опустилась на колени, а потом завалилась на правое бедро.

– Наташенька, прелестница, мы видим. – Топтунья показала указательным пальцем вверх. Там кружил робот-преследователь.

– Да уж, Топтунье-то повезло, а я здесь случайно оказался, – засмеялся Урод. – Я пожить планировал. – Его сиповатый смех попадал в ритм дергающегося кадыка на шее. А многочисленные висячие бородавки колыхались под свою никому не слышную мелодию.

– Ой, пожить он планировал, получишь раковую – вспомнишь, как случайно оказался, – заворчала на него ласково Топтунья. Под ее черной водолазкой на тонком теле выделялась горка выше груди. Она начала расти совсем недавно.

– Я шучу, Наташа, очень рад тебя видеть! Что случилось? – Урод отъехал к своему рабочему столу, подальше от девушки, чтобы целиком ее рассмотреть. Глазные яблоки мужчины прокрутились на триста шестьдесят градусов внутри орбит и вернулись на место.

Девушка пыталась отдышаться и не могла произнести ни слова.

– Чего к ней пристал? Что случилось? За третьими знаешь как следят? Каждое слово надо обдумывать! Наташенька, детка, чем тебе помочь? Ты меня проси, меня. – Топтунья тоже отъехала на своей коляске, готовясь рассказывать.

– Попей воды, она хоть и с радиацией, но в твоем положении… – Урод не знал, как закончить фразу, и лишь протянул стакан девушке, а затем вернулся на прежнее место. Наташа, обливаясь теплыми струями, стекающими со щек, стала жадно поглощать предложенную воду.

– Я, Наташенька, раковая теперь. Боли уже начались, а опиумы мне не дают. Выписывают, а присылают пустые коробки. Я им: «Что случилось?» А они один ответ: «Лучевые!» Ну какие лучевые? Они не знают, что это такое и как этим пользоваться! У них там своих забот хватает.

Мясо живое жрут! – Топтунья активно жестикулировала. Словно компенсировала движениями рук парализованные ноги.

– Тихо, тихо. Ты думаешь, ей хочется твое нытье перед своей смертью послушать? – перебил коллегу хриплым голосом Урод.

– Перед какой смертью? Это мы, первые, опасные. А у третьих аресты по-другому заканчиваются. Они поболтают, поговорят, потом им укольчик успокоительный сделают и отправят рожать. А кому больше рожать-то? Уродов и так хватает. – Топтунья не теряла веселого настроя даже в нервном напряжении.

– Спасибо! – наконец вырвалось у Наташи.

– Ты сиди-сиди, Наташенька, отдыхай. – Топтунья сделала паузу и направила свою коляску к стеклянному шкафу. Повернувшись, она продолжила: – Так вот, про опиумы. Они их себе в министерство на последний этаж забирают. Ты думаешь, они что-то решают, договариваются? Была я там раз, давно еще. Еду в вагоне, а глаза-то у меня – один выше, другой ниже. Я за повязкой черной и увидела: выходит, круглый такой, глазищи большие-большие. Хохочет, а зрачки весь белок глаза закрыли. Я и смекнула: не уродство это, а наркотики. Все они там такие. Вот и последний этаж себе заняли. Не должны первые жить на этом свете, не побожески получается. Они ведь потомки неверующих и сомневающихся. А эти за жизнь держатся, не верят в новый мир. И создают его себе прямо сейчас. – Топтунья открыла шкаф и достала оттуда шприц и небольшую ампулу с прозрачной жидкостью. – Ты, Наташенька, девочка смышлёная, но неверующая. Это грех, грех. – Шприц наполнялся снадобьем.

– Начинается! Ты с ума сошла с этой наукой. – Урод повысил голос на свою коллегу, но остался на месте, не пытаясь ее остановить.

– Мне уже все равно. Топтунья, Урод, жить, как раньше, я не смогу. Даже не говори, что там у тебя в шприце, – медленно произнесла девушка.

– Я и сказала: смышленая! Какие там уколы во время беседы колют, я знаю, сама их разрабатывала. Овощем станешь, как твой муженек. – Топтунья надавила на шток, и часть жидкости вылилась из цилиндра шприца вдоль иглы. Наташа поползла к старой подруге первой категории. После нескольких метров девушка смогла встать и медленно направилась к инвалидной коляске с пожилой женщиной с серыми волосами, торчащими из-под черной облегающей шляпы с тонкими полями.

– Чтобы ты ни сделала, я помню, как ты приходила ко мне, как смеялась, рассказывала про новые фильмы. Ты стала мне дочкой. Я тебя люблю. – Топтунья размахнулась и воткнула иглу прямо в живот девушки.

– Ай! – Наташа согнулась от неожиданной боли. Она рассчитывала, что укол будет сделан в другое место.

– Совсем старая стала! – рявкнул Урод.

– Старая и больная! Прошу заметить! Ну, промахнулась. Наташенька, от укола не умрешь. – Топтунья развернулась корпусом к шкафу и взяла еще один заправленный шприц. – А это для бодрости. – На сей раз игла угодила в правое плечо.

– Смотри, Топтунья, тебя за это мучительной смертью убьют, как ты и боялась. И меня за собой потянешь, бабка. – Урод окончательно утратил способность изображать веселость, его голос задрожал, а черный потрепанный костюм от движений зашелестел.

– На, возьми мой халат, думаю, справишься с ним. – Топтунья сняла свой длинный черный драповый халат и протянула девушке, а сама, оставшись в обтягивающей водолазке и протертых лосинах, поехала на коляске к прозрачной капсуле с надписью «Утилизация».

Наташа взяла халат и, словно не было только что двухкилометровой пробежки на самом высоком пульсе, направилась к Уроду.

– Спасибо тебе! – она накинула халат на голову Уроду и обвязала поясом его руки. Жертва даже не сопротивлялась.

– И тебе спасибо! – еле слышно произнес мужчина, ощущая тепло ее тела и безуспешно пытаясь к нему прикоснуться, Наташа уже стояла рядом с Топтуньей напротив большой капсулы.

– Мы поедем по наклонной горке, это почти безопасно. Подними меня по ступенькам. Когда мы спустимся, моя коляска может сломаться. Возможно, тебе придется меня нести. Еще на несколько часов твоих сил хватит для нас двоих. Беги налево от горки вперед, там должны быть лучевые. Беги и не останавливайся! Поняла? – Топтунья говорила быстро и уверенно, будто вынашивала этот план долгое время.

– Поняла. – Девушка с легкостью подняла коляску и занесла в капсулу, а затем сдвинула створки с внутренней стороны.

Два человека оказались в прозрачной трубе. Топтунья нажала на кнопку. Пол ушел из-под ног. Темнота. Наташа почувствовала резкий удар бедренными костями обо что-то твердое и покатилась с огромной скоростью в неизвестность. Так продолжалось несколько минут, пока не случился новый удар. На этот раз девушка упала всей левой стороной своего тела. Рука онемела. Наташа силилась шевельнуться. Сверху что-то мешало. Она попробовала сжать и разжать правый кулак – получилось. Попыталась развернуть локоть – не вышло. Тогда она с усилием попробовала снова – послышался звук вращающегося колеса.

– Топтунья! Ты здесь? Твоя коляска на мне. – Наташа спрашивала шепотом, боясь невидимого третьего лица. – Топтунья! Ау! Топтунья! – продолжила она чуть громче. – Топтунья! Ты жива! Топтунья? – Девушка долго звала свою подругу, в конце перейдя на крик. Никто не отвечал. Стало ясно, Топтунья мертва, или… «Я умерла! – с воодушевлением подумала Наташа. – Да, иной мир существует, он такой. Тут тьма и тишина».

Девушка встала, покачнулась, прошла пару шагов вперед и осмотрелась. Слева вдалеке виднелся голубой свет. Ее резко обдало холодом, и почувствовался невыносимый запах сырости.

«Нет, еще жива».

Наташа расстроилась и вспомнила слова Топтуньи: «Нужно бежать».

Она побежала. Дорога была непростой, но протоптанной. Девушку не пугали раскидистые засохшие корни деревьев над землей. Не пугали и острые слегка замерзшие глубокие лужи, колючие кусты. Все лишь указывало верную дорогу: слева куст – значит, следует взять чуть вправо, пенек посередине – нужно нащупать ровную дорожку с лужей безо льда. Откуда она все это знала? Нечто бессознательное вело ее вперед. Боли и усталости не было. Через несколько часов рассвело. Солнце пробивалось сквозь плотные слои мусора. Наташа выбилась из сил и упала без сознания. Лучи осветили ее пухлые синеватые губы, оттопыренный мизинец на сломанной левой руке, порванное теперь блекло-бурое платье, раскиданные по траве, будто только что уложенные, каштановые волосы, грязные разорванные мокасины одного цвета с платьем, виднеющуюся сквозь грязь и траву белую прозрачную кожу.

Глава 6

– На Урале, в городе Кургане,

в День шахтера или ПВО

направлял товарищ Каганович

револьвер на деда моего.
Выходил мой дед из кабинета

в голубой, как небо, коридор —

мимо транспарантов и портретов

мчался грозный импортный мотор.
Мимо всех живых, живых и мертвых,

сквозь леса, и реки, и века,

а на крыльях выгнутых и черных

синим отражались облака.
Где и под какими облаками,

наконец, в каком таком дыму,

бедный мальчик, тонкими руками

я тебя однажды обниму?[2]

После каждой строчки Миша делал паузу.

– Грустно, грустно. Где мой мальчик, где? – Старик вздохнул, захрипел и сплюнул через левый бок все, что чесало в горле. – Ох! Как вспомню! Ванька! Лежишь тут, читаешь? А никого не обнимешь. Не видать тебе тут ни бабы, ни похабы. Ууу! – завыл старик, как волк. – Мальчик мой ждет меня. Если Машка не нашла там никого. А то и не узнает отца-то пацан. – Миша посмотрел на Ваню: тот никак не реагировал на возгласы. Это разозлило старика, и он кинул в ничего не подозревавшего соседа своей перчаткой с оторванными пальцами. Ваня не сказал ни слова, а лишь припрятал перчатку под голову. – Да ну тебя! – Миша опять плюнул под свою кушетку. И почувствовал резкий приятный аромат, разрушающий обычный запах сырости: – Вот это у меня слюни! Хех!

– Сюрприз! – Илья с девушкой в руках неожиданно появился перед Ваней и Мишей. – Может, вона закинуть ее в озеро, пока свежатина. Ха-ха-ха! Не пойму: дышит – нет?

Не дожидаясь ответа, Илья отнес девушку в дальнюю комнату и положил на новую чистую кровать, прикрыв своей шубой. Около минуты он смотрел на нее неподвижно, понимая, что нужно возвращаться к озеру.

---

[2] Стихи Бориса Рыжего.

Миша и Ваня лежали на солнце в ошеломлении.

– Я уже решил, никто к нам не явится, – нарушил тишину Миша.

– Да уж, а я думал, от генераторов меня ничто не отвлечет, – согласился Ваня, вынул перчатку из-под головы и протянул товарищу по несчастью.

– Смотри, пошел. А что так быстро? И мясо чего не захватил, больно понравилось? Еще хочешь? Вань, глянь на него: бежит, деловой! Нас не замечает, окрылился! – закричал старик вслед убегающему Илье. – Ох! Такое настроение – и читать не хочется! Мальчик с тонкими руками пусть ждет!

– А я, пожалуй, закончу. – Ваня быстро переключился на свою книгу про источники энергии.

– И кончишь, и закончишь. Хех! Хрена дед увидел на старости лет! Думал, так и помрем все. – Миша положил обе руки под голову и залюбовался на освещенные многоэтажки вдали. – На-най-най-на, – стал он напевать себе под нос. Грустное ностальгическое настроение сменилось игривым и полным надежды. Хотелось жить.

Солнце село, и все собирались в сторожевой. Кирилл и Руслан должны были вот-вот завезти с улицы лежачих.

– Пам-пам-пам-пам! – напевал Илья и стучал себя по коленям. – А я вона кое-что знаю! Нырял в озеро, Даринка, и открыл в себе радиактивную суперспособность! Я вона умею будущее предсказывать.

– Да ну! И что же сейчас произойдет? – в шутку заинтересовалась Дарина.

– Ну вона в далеком времени твой Воронеж сгорит к хренам. А сейчас Кирилл зайдет, поставит Мишу и будет собирать факел. Му-му-мы-мо, – замычал Илья низким голосом таинственную мелодию, растягивая по очереди гласные. – Спорим? Проиграешь – ныряешь завтра сама.

– Начинается! С Русланом спорь! Я в озеро не полезу. – Девушка сразу уловила неладное. В это время в комнату входили остальные.

– У нас новая городская, – заявил Ваня. – Кирилл, займись факелом.

– Какая еще городская, откуда? – удивился Илья и затем щелкнул языком: – А это вона я ее принес, нашел рядом с озером. Она валялась вся синяя. Я ее притащил, положил на кровать, укрыл, спас. Так что, Руслан, ты сам отказался нырять эту неделю, да ты бы ее и не нашел, она была под ветками глубоко-глубоко. Смотрю: что-то торчит, аж вона светится, я и подошел, а там она. Брр, холодно. Где тут шубы?

– Какая городская? – синхронно спросили Руслан и Дарина.

– На свободу потянуло? – улыбнулся Кирилл и плотно занялся факелом, когда понял суть дела.

– Такая, – вновь взял слово Илья, расправляя залежавшуюся шубу, – моя.

– Она правда очень красивая, может дочка моя вернулась, на меня похожа, – прохрипел мечтательно Миша. – А ты: «Моя… моя»… – подразнил старик.

Из центра комнаты за доли секунды распространился свет, окутывая зрителей. Свободные люди, морщась, открыли глаза и нетерпеливо двинулись навстречу сюрпризу судьбы. Кирилл шел первым, освещая комнаты и игнорируя устоявшиеся правила безопасности. Илья взял Ваню и положил на плечо, все направились к спальне, совсем забыв про Мишу. Разлетевшиеся искры от факела чудом не разрослись до пожара в комнате-складе. Они упали на сырой пол и потухли в каше макулатуры. На кровати неподвижно лежала девушка, не подавая признаков жизни. Чарующий запах незнакомых цветов смешался с грязью, кровью и потом, но не стал менее привлекательным. Тишину нарушил крик Миши: «А я? Я тоже хочу посмотреть!» Кирилл передал факел Руслану и вернулся за братом. Все молча смотрели на путницу, каждый со своими мыслями. Дарина чувствовала в ней конкурентку, Илья – свое будущее, в

Ване проснулся научный интерес, Миша видел в ней свое последнее приключение, а Руслан и Кирилл пока что просто млели от смутного желания.

– Я ее знаю, это Наташа. Когда я жила в городе, она была гражданином почетной третьей категории. Должна была выйти замуж и родить. – Дарина решила не скрывать правды, чтобы случайно себя не дискредитировать, когда девушка очнется.

– А ты какой категории? – поинтересовался Руслан.

– Я во второй, – стесняясь, тихо произнесла Дарина. Сделала вывод, что ее авторитет подорван, и пожалела, что идентифицировала гостью.

– Вторая получше, – заключил Ваня, обнимая руку Ильи. – Ты к нам хоть в одежде пришла, а эта вся перебитая, в одной тряпочке.

Дарина промолчала в ответ.

– Ой! Какая! На волосы гляньте, на волосы! Я бы занюхал. – Миша показал на своих пальцах, как бы он это сделал. – На! – Миша протянул пальцы Кириллу.

– Вонь какая-то! – отозвался тот.

– Мне вона хоть третьей категории, она, может, капризничать, как Даринка, не будет, – начал оправдываться Илья. – Дышит, дышит! Слышали? – Все устремили взгляды к кровати.

Наташа приоткрыла глаза, но тут же их закрыла.

– Похоже на агонию. Илья, опусти меня, надо послушать сердце и пульс. – Ваня приготовился к исполнению обязанностей врача. Илья расположил Ваню рядом с девушкой, а тот почти прижался к ней и обхватил ее голову руками, потом сжал рукой запястье.

– Что это за огония? Она вона холодная какая, – занудил Илья.

– Пульс ровный, сердце бьется. Она замерзла и устала. Очень холодная. Пусть поспит. Илья, будешь всю ночь на страже, придет в сознание – зови.

– Сейчас разогреем, – заявил Кирилл.

– Я справлюсь, у меня вона одна лиса только, я ее скинул на кухне, там зафиксируйте. – Илья прилег на кровать рядом с девушкой.

– Все понятно. Сам нашел – сам съел. – Кирилл забрал у Руслана факел и установил в углу комнаты, подальше от кроватей, так что свет падал снизу и старил всех столпившихся. – Пойдем обсудим дальнейшие планы.

В приподнятом настроении все, кроме Ильи, отправились в темноту поговорить ни о чем и поделиться впечатлениями о девушке-гостье. Молодой здоровый парень остался лежать рядом и не шевелился, вслушиваясь в ровное дыхание и боясь его потерять. Под такой метроном он уснул.

– Илья, все в порядке? О нас не забыл? – разбудил и напугал его Кирилл своим могучим басом. Все, кроме Дарины, вернулись в спальню.

– Что в порядке? Я не спал, – нервным срывающимся шепотом начал оправдываться Илья.

– То и в порядке. Мы тоже заскучали, я и Руслан. Давай иди. Или ты здесь останешься?

Илья вцепился в Кирилла:

– Она еле живая, вы не особо тут. – Илья затряс Кирилла, вырывая куски бороды, пока Руслан не отбросил прилипшего Илью на кухню. Руслан и Кирилл обступили девушку, сорвали шубу и под стоны ошарашенного друга: «Я ее нашел!», «Вона вы чего?», «Зачем?», «Она живая!», «Дарина!», по очереди стали остужать каждый свой гормональный всплеск.

В темноте лишь одна Дарина сидела и улыбалась: пока все для нее складывалось удачно.

Глава 7

«13 Марта 2400 года, 0 часов!»

Антон направил взгляд на незнакомца в отражении: красные глаза с серо-желтыми кругами вокруг сочувственно смотрели на молодого человека, лицо двигалось то вверх, то вниз. Непричесанные каштановые локоны торчали в разные стороны, поблескивая жиром в искусственном свете комнатных ламп. Прижатые маленькие уши будто двигались синхронно с ударами сердца. Необычно пухлые губы через пару дней должны были сдуться и покрыться светлой шелухой от нервных укусов белых зубов. На шее вычурно пульсировала вена, скрываясь в белоснежном, до пят, платье. Ниже торчали тонкие длинные пальцы, а вся конструкция человека держалась на коричневых платформах тапочек.

Всю ночь парень сидел на полу, прижавшись спиной к белоснежной тумбочке и уткнувшись в черный прямоугольник планшета. Поясница и шея ныли. Мигрень тесной шапкой сжимала череп. Завершив ночную работу, голова на время словно опустела и, по инерции, управляла только повседневными заученными делами.

«Подойдите к экрану, зарядка начнется через двадцать секунд».

На экране Антона висела непрозрачная зеленая штора. Она лишь немного приглушала звук монитора. Никто не знал, где находится динамик, даже такие избранные люди. Молодой человек отошел в сторону и присел на край спального места.

«Пять секунд».

Антон коснулся пальцем нужной точки и достал из открывшегося ящика тумбочки зеленоватые капли. Затем перевернул флакончик по очереди над каждым глазом запрокинутой головы. Скрытый под временно сомкнувшимися веками взгляд переместился к зеркалу слева от зеленой шторы.

«Раз-два, три-четыре».

Чужак в отражении начинал принимать знакомый облик и смотрел уже смеющимися белесыми глазами на Антона. Капли парень положил на место и взял светлый тюбик.

«Приготовьте кисти».

Несколько легких мажущих движений – и к губам вернулся прежний объем.

«Наклоны».

Стакан с волшебной жижей – и нормальный ритм сердца восстановился.

Бессонная ночь будто прошла в другой жизни. Приняв, наконец, свое отражение, Антон ощутил голод. Благодаря утренним заботам он переключился на легкие посильные задачи. К завтраку, под действием запрещенных в городе веществ или от усталости паниковать, парень победил страхи и вспомнил свои заслуги. Сотни таких же, как он, хотели взяться за это дело и жить с третьими, хоть и на правах вторых. А выбрали именно его! Именно он взял в свои руки дело сбежавшей Дарины. Удалил всю информацию о ее сообщниках в городе и их самих. Придумал стать виртуальной куклой с ее внешним обликом и у всех на глазах броситься под железные колеса поезда. Ее мучительной смерти сопутствовали отрубленные пальцы и порванные кишки. В течение суток звучали крики и стоны умирающей девушки, отпугивая вторых и третьих от самоубийства. За следующие три года тайная статистика суицидов и правда сократилась на восемьдесят процентов. Впрочем, сокрытием этих цифр занимался другой отдел. И теперь именно Антону надлежало справиться со сложным заданием. Хотя он уже подзабыл, кем является на самом деле. Двадцать лет менять облики и жить под чужими именами – задача не из легких.

В углу комнаты, справа от зеленой шторы, стоял небольшой столик с выдвижным ящиком. Всю его поверхность занимал принтер. Антон дотронулся до экрана и быстро стал двигать пальцем по сменяющимся изображениям, пока принтер не загудел и не выдал тарелку с

ароматными кусками свиного мяса и печеной картошки, украшенными цветными травами. За десять минут всё, включая хлебную тарелку, было съедено. Антон поднялся и направился к шкафу, в котором был спрятан сейф. Прикосновением пальца открыл дверцу и достал кислородную маску с прикрепленной к ней пластиковой банкой. Пара вдохов недоступного простым людям чистейшего кислорода – и можно переодеваться. Антон открыл соседний шкаф и достал черное неприметное платье, черные очки и мокасины – нужно отправляться в министерство. Сегодня был необычный день.

Я предупреждал, что надо допустить ее до работы. У нее есть вот эта особенность. Почему они так и не могут признать психические отклонения признаком третьих? Ах, да это же было и до радиации, и как-то жили, до десяти миллиардов населения выросли. Оправдываются глупостью прежних поколений. Раньше мясо животных ели, почему же это – пережиток прошлого? А психические отклонения – тип личности. Да сами и допустили все это! Детям нужно строго-настрого запретить шляться по лабораториям, они все потенциальные третьи. С кем общаешься – таким и останешься. Они спросят про арест. Что арест? Надо предупреждать об обновлениях, это не моя ошибка, а их! А может, они специально? Восстание первых против третьих. Взяли самую красивую пару, подсадили рядом Горбача. Или вообще он был с ними в сговоре. На арест мой датчик не среагировал, я ничего не мог сделать. Спрашивается опять же, почему мой датчик не сработал? От Урода я избавился, он ей помог. Я действовал в точности по протоколу. На нее вообще не должен был повлиять арест, она подчиняется мне. Если она и убежала, то замерзла или заразилась. Все нормально. Вернуться она не сможет. А мне просто дадут новый объект.

– Мам, пап, пока! Я на работу! Второй день карантин, останьтесь пока в комнате, посмотрите вчерашнюю премьеру, мне ее Наташа расхваливала. – Антон постучал в закрытую белую дверь, но не стал заходить, чтобы не заразить родителей несуществующей болезнью.

Глава 8

Министерство занимало весь верхний этаж. Рядовые жители Воронежа даже не догадывались о его существовании. В лифте не было соответствующей кнопки, а чтобы попасть на нужный этаж, требовалось набрать секретную комбинацию цифр и прижать указательный палец к индикатору. Самой серьезной организацией считалось размытое словосочетание «Государственная служба». Работать там – престижно. Можно было носить красивые наряды и получать множество бонусов. А «министерство» звучало как-то тоскливо, да и выглядело не лучше.

У выхода из лифта сотрудников поджидали около десяти бело-красных поездов. На каждом вагоне, всегда готовом увезти на другой конец бесконечного коридора, красовались изображения головы собаки на кресте из забытых предметов прошлого. Если посмотреть направо, то можно было увидеть серый тоннель с безымянными дверями. Налево – то же самое. Что это, оптическая иллюзия? Этажом ниже повсюду зелень, двери и парки со всех сторон, широкая улица с развлекательными центрами и стоянками поездов.

Антон занимал первую должность в секретном министерстве, то есть самую низкую, поэтому все работники его знали: по сути, он был актером в роли брата Наташи. Те, кто повыше, ничего не ведали друг о друге. Да и о своем уровне секретности тоже лишь догадывались. Они никогда не спускались вниз после того, как попали в это место.

Каждый, начиная со второй должности, работал в своей белой комнатке с шестью камерами, расположенными как на игральном кубе. Голос у всех изъявителей был идентичен, несмотря на небольшое количество, а может и огромное, участников «беседы». Дело в том, что в комнатах стоял входящий голосовой фильтр, из-за которого даже свой голос для человека звучал незнакомо и пугающе.

Антон зашел в лифт, ввел комбинацию из шести цифр и в полном одиночестве поехал на последний этаж. Двери открылись. На молодого человека в черном скалила зубы нарисованная собака. Несмотря на визиты сюда в течение двадцати лет парень по-прежнему пугался ее. Антон стиснул зубы, улыбнулся вправо и направился к ближайшему поезду. Улыбаться на правый блок в стрессовых ситуациях он так и не прекратил, невзирая на обучение перевоплощению и мысленному запрету в голове. Это происходило бессознательно, каждый раз он ругал себя лишь после совершенного действия. После легкого прикосновения указательного пальца дверь открылась сверху вниз. Антон достал планшет из-под полы черного платья, сделал несколько манипуляций, и перед его глазами появился пригласительный код, который нужно было ввести, чтобы поезд помчался. Спустя тридцать секунд двери вновь опустились. Перед молодым человеком оказалась безымянная серая дверь, как в старину. Он постучал – дверь открылась. Антон зашел с планшетом в руках. Это был единственный источник света в комнате.

– Приступайте, – послышался звонкий мужской баритон.

– Отчет о проделанной работе двенадцатого марта с шести до двадцати часов, – отозвался такой же голос. – В ноль часов женщина-объект сняла повязку. По данным счетчиков сон составил четыре часа шестнадцать минут. Объект находился в состоянии бессонницы два месяца и один день. Далее были совершены утренние ритуалы без изменений со дня свадьбы. Полноценный завтрак по рекомендованной диете съеден вместе с тарелкой. В два часа женщина направилась в Центральный парк города на прогулку. Шестая подряд премьера, начавшаяся в пять часов, была проигнорирована объектом. В шесть часов на первом обеде рабочих женщина беседовала с лицом первой категории по прозвищу Горбач. – Антон сделал паузу, рассчитывая на вопросы. Динамики молчали. Обычно они требовали уточнений: что именно ела, продемонстрируйте видео, что делала, когда гуляла, какие эмоции испытывала, какой пульс. Сейчас – ничего. По лбу стекал холодный пот, а удары сердца отзывались в ушах. Пара длинных

выдохов, и молодой человек продолжил работу. – Для справки: Горбачу шестьдесят семь лет, свое прозвище заимел по внешнему признаку первой категории: горбу. Характер ответственный, инициативный, решительный, но смиренный; для министерства не был опасен. Получал полный объем кислорода за трудовые интеллектуальные заслуги в экспериментальной генетической лаборатории. Представляю видео беседы.

По истечении двенадцати минут Антон успокоился и занялся дыхательной гимнастикой. Он сделал протокольную паузу в тридцать секунд: возможно, на этот раз будут вопросы. Молчание повторилось, но с толку парня уже не сбило.

– Арест был произведен по ошибке после обновления разведывательного андроида. По моему запросу отдел искусственного интеллекта отчитался, что не внес в обновление игнорирование депрессии, склонность к суициду и неудовлетворенность объекта. Все предыдущие обновления загружали подобные сцены в общую статистику, согласно которой, благодаря моей химической и физической работе, качество и количество депрессивных эпизодов за последние три недели значительно снизилось.

Случилась гиперкинетическая реакция на арест. Объект сбежал по пассивному безопасному детскому сценарию: в Центральную лабораторию, где работает ее настоящий брат Антон по новому прозвищу Урод.

Для справки: Антону двадцать три года, свое прозвище получил при подмене в пятнадцать лет. Живя под новым именем и сознанием Урода, лишился возможности передвигаться с помощью ног, приобрел признаки первой категории: лишние мелкие кости и длинные отростки на всем теле. Характер сохранился, как и во всех моих перевоплощениях: трусливый, мягкий. Для министерства представлял желтый уровень опасности ввиду недостаточной изученности опыта неосознанного перевоплощения. Получал полный объем кислорода якобы за трудовые интеллектуальные заслуги в Центральной лаборатории. Однако интеллектуальных заслуг, по сути, не было, объем кислорода сохранялся в связи с продолжением эксперимента.

Во время побега за объектом наблюдали четыреста восемь человек. Двести тридцать шесть получили повышенный эмоциональный стресс. Третьих среди них нет.

К двадцати часам количество знающих о происшествии повысилось до семи тысяч пятисот пятнадцати. Все третьи не в курсе.

В час ночи прозвучало всегородское информирование о том, что объект не относился к третьей категории, а в сговоре с лицами первой категории подменил анализы своей второй категории. Ведется расследование, семья и все причастные к казусному происшествию будут привлечены к ответственности. Муж Андрей в дальнейшем будет выставлен в СМИ жертвой, заслуживающей сочувствия и уважения. Планируется скрещивание его с семнадцатилетней Мариной по достижении ею совершеннолетия.

Для справки: Андрею девятнадцать лет. Телосложение и психическое состояние идеальны. Относится к третьей категории. Соблюдает все правила и рекомендации для своей личности. Характер решительный. Для министерства представляет особенный интерес. Получает полный объем кислорода и дополнительный вкусовой.

Объект в шесть часов семнадцать минут двадцать восемь секунд остановился в кабинете утилизации Центральной лаборатории. Там находились два лица первой категории, знакомые с объектом: Топтунья и Урод.

Для справки: Топтунье восемьдесят девять лет, свое прозвище получила по внешнему признаку первой категории: частичному отсутствию ног. Характер спокойный, практичный, креативный; для министерства представляла желтый уровень опасности ввиду секретности. Получала полный объем кислорода за трудовые интеллектуальные заслуги в Центральной лаборатории и в министерстве. Болела, по прогнозу ей оставалось жить четыре месяца.

Топтунья вколола объекту в живот неопознанную жидкость, подготовленную для утилизации после экспериментов с «бессмертными» медузами, а также запрещенную формулу силы первого этапа экспериментов с перевоплощением. Второй укол был сделан в плечо.

Далее представляю вам видеозапись событий.

По итогу, Топтунья была найдена на дне улицы, мертвой вследствие черепно-мозговой травмы. В двух метрах от нее нашелся кусок платья объекта. На ткани обнаружены следы венозной крови. В пределах тридцати метров нашлись немногочисленные следы объекта. В пределах ста метров не обнаружено ничего, уровень радиации критический. Температура составляет –1 °С. Предположительно, объект умер.

После побега объекта был выполнен ряд процессуальных действий.

Первое, Горбач был арестован и допрошен в течение трех часов после разговора с объектом. В результате были выявлены отношения к делам «Х14», УР7» и «ЕЦЙ». Все сведения переданы в специальный отдел.

Второе, Урод был арестован, допрошен и удален в течение двух часов после событий. В результате выяснились обстоятельства побега объекта, а также была выявлена близкая к осознанию на психическом уровне родственная связь. Удаление на физическом и историческом уровнях Антона состоится по вашему особому указанию.

Третье, Топтунья была найдена, осмотрена и удалена в течение четырех часов после событий. Тело передано в соответствующий отдел.

Четвертое. Объект будет прилюдно удален на физическом уровне до 20 часов сегодняшнего дня.

Пятое. Семья до второго колена находится на изолированной переквалификации в первую категорию с полным удалением воспоминаний. Предполагаемое время завершения работ: 23 марта, 20 часов.

Выводы.

Первое. Вероятность, что объект выжил, равна 0,1 процента. Температура в темное время составляет –5 °С – 0 °С. Уровень радиации на расстоянии ста метров расценивается как критический. Получены травмы, предположительно не совместимые с жизнью. Удаление по протоколу не требует согласования, но вы можете его отменить.

Второе. В будущем рекомендую запретить прямое общение третьего класса с лицами иного класса, включая семью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.